Б. М. Ляпунов.

Памяти академика А. А. Шахматова.

Обзор его лингвистических трудов.

Оттиск из тт. XXVIII и XXIX Известий Отделения Русского языка и словесности Российской Академии Наук.

ЛЕНИНГРАД
1925

Напечатано по распоряжению Российской Академии Наук

Июль 1925 года

Непременный Секретарь, академик *С. Ольденбург.*

Центральная
библиотека
Общественных Наук
Академии Наук СССР

Ленинградский Гублит № 5555. — 75 экз.

Российская Государственная Академическая Типография. В. О., 9 линия 12.

Памяти академика Алексея Александровича Шахматова (сконч. 16 августа 1920 г.).

Обзор его лингвистических трудов.

Два года тому назад русскую филологическую науку постигло крупное несчастие. Вслед за понесенными в течение последних восьми лет крупными потерями в лице скончавшихся академиков Филиппа Федоровича Фортунатова (20 сентября 1914 г.), Владимира Ивановича Ламанского (в ноябре 1914 г.), Федора Евгеньевича Корша (16 февраля 1915 г.), в августе 1920 г. мы получаем внезапно поразившую нас весть о кончине еще во цвете лет, под ударом обострившейся болезни, от которой не спасла его и операция, лучшего и наиболее плодотворного в научном отношении представителя московской лингвистической школы—А. А. Шахматова, лишь на 6 лет пережившего своего учителя Ф. Ф. Фортунатова, идеями которого продолжаем жить доныне мы, его ученики.

Не буду сообщать подробных сведений о жизни и деятельности А. А. Шахматова, так как желающие найдут их во II-ой части изданных Российской Академией Наук «Материалов для биографии действительных членов Академии Наук» (П., 1917). Напомню лишь главные события и дополню кое-где своими личными воспоминаниями[1].

По происхождению из дворян Саратовской губ., Алексей Александрович родился 5 июня 1864 г. в Нарве. Раннее детство он провел

---

[1] Последние дополняю сведениями, почерпнутыми частию из «Материалов», частию из книжки В. В. Виноградова «Алексей Александрович Шахматов» (Петербург, «Колос», 1922), с которой я познакомился, впрочем, когда уже большая часть моей статьи была написана.

в Москве и Одессе, где еще в 1870 г. лишился матери, а в 1871 г.— отца, после чего воспитывался в семье своего дяди, брата отца.

В «Материалах» мы находим любопытные известия о возникновении первых научных интересов А. А. В то время как семья дяди с 1871 г. по 1876 г. жила в деревне близь Саратова, влияние книг Петрушевского и «Истории Государства Российского» Карамзина вызвало в Шахматове сильный интерес к истории, а с другой стороны, ознакомление с книгой А. С. Хомякова о родстве словянского языка с санскритом пробудило интерес к изучению языков и их взаимоотношений. Вот, следовательно, в каком раннем возрасте (10—12 лет от роду) зародились у Шахматова те исторические и лингвистические интересы, которые были предметом всей его последующей научной деятельности, смысл которой заключается в удачном соединении в одном лице тонкого и глубокого исследователя сравнительной фонетики всех русских наречий и словянских языков, умелого восстановителя прарусской и прасловянской языковой древности, с кропотливым исследователем главных источников для древнейшей истории русских племен, судьбы русской земли и ее отношений к соседним землям и народам. Во время поездки с дядей заграницу, в Мюнхене Шахматов занимался в университетской библиотеке извлечением данных о древнейших обитателях России из Страбона и Помпония Мелы. В Лейпциге Шахматов поступил было в гимназию, но вскоре вся семья переехала в Париж, а в марте 1877 г. вернулась в Россию, где в том же году А. А. был принят в частную гимназию Креймана, а осенью 1879 г. поступил в 5 кл. Московской IV-ой гимназии. Время между занятиями в гимназии Креймана и поступлением в Московскую IV-ую Шахматов в деревне занимался исследованием о происхождении различных слов, навеянным отчасти чтением Макса Мюллера. Для выяснения интересовавших его вопросов Шахматов решается обратиться к помощи профессоров Моск. Универс. Он знакомится с профессорами Н. И. Стороженком, Вс. Ф. Миллером и наконец с Ф. Ф. Фортунатовым. По совету В. Ф. Миллера Шахматов бросает свои тетрадки и принимается за изучение «Compendium» Шлейхера, но тогда же начал уже изучать и древние словянские рукописи, в частности Житие Ѳеодосия по рукописи Успенского Собора, доставленной в Синодальную

библиотеку. С особенно отеческою заботой отнесся к Шахматову Ф. Ф. Фортунатов, руководством которого главным образом и пользовался Шахматов. Позднéе познакомился он с Ф. Е. Коршем, а в 1881 г. с И. В. Ягичем, за год перед тем занявшим кафедру старословянского и истории русского языка в Петербургском университете. Таким образом, со своими университетскими учителями Шахматов сошелся еще до окончания средней школы. Заметим, что в числе преподавателей Московской 4 гимназии, где учился Шахматов, был А. Г. Преображенский, известный составитель учебников по др. ц.-словянскому, ново-церковно-словянскому и русскому языкам, в то время и долго спустя не обращавший на себя внимания ученого мира, в последнее же время (с 1910 г.) и до самой смерти (в 1917 г.) стяжавший себе славу составителя этимологического словаря русского языка на основании всех новейших этимологических исследований наиболее известных представителей русской и западно-европейской лингвистической науки.

С начала 1880-ых годов появляются в печати первые ученые статьи А. А. Шахматова, именно поправки к изданиям древнерусских текстов—жития Феодосия и сборника Святослава 1073 г. (обе в Archiv f. slav. Phil. V и VI т.); но в том же Ягичевом «Архиве» (т. VII, 1883) напечатана и первая самостоятельная статья Шахматова, написанная по поводу исследований акад. Соболевского и представляющая замечательную попытку распределения древнерусских памятников по местностям на основании правописания. Уже в этой работе Шахматов показал не только начитанность в древних текстах, но и тонкую наблюдательность, уменье разобраться в сыром, почти еще не тронутом материале. В дальнейшем, как при прохождении университетского курса, слушая известных ученых Н. С. Тихонравова, Вс. Ф. Миллера, Ф. Ф. Фортунатова, Ф. Е. Корша, посещая в Петербурге академика И. В. Ягича, так и по окончании его, оставленный стипендиатом для приготовления к профессорскому званию по кафедре русского яз. и словесности, Шахматов продолжал обогащать науку своими ценными трудами. Он пишет обширное исследование о языке новгородских грамот XIII—XIV в., напечатанное в I томе «Исследований по русскому языку» (1886 г.), изданных 2-ым Отделением Академии Наук. К исследованию, обнаруживающему хорошую лингвистиче-

скую школу, представляющему замечательные наблюдения над правописанием древнерусских памятников, в особенности в дополнительной главе об употреблении буквы *ъ*, приложен вновь проверенный по оригиналам текст новгородских грамот. Выделив из статьи о языке Новгородских грамот в «дополнении» (стр. 209—226) свои замечания о значении буквы *ъ* в др.-русских памятниках и о произношении общесловянского (праслов.) *ъ* в древне-русском яз., Шахматов уже здесь представил свои интересные выводы о различии по отношению к букве *ъ* памятников религиозного содержания — списков с церковнославянских оригиналов от памятников светского содержания, не списанных, а оригинальных — возникших на Руси: в первых буквы *е* и *ъ* смешиваются часто, во вторых редко, и можно привести ряд чисторусских текстов, не смешивающих букв *е* и *ъ*. Шахматов указывает это последнее в 3-ей части 1-ой Новгородской летописи по Синодальному списку XIV в., в Новгородских договорных XIII — XIV в., духовных Московских князей XIV в. и ряде Двинских грамот XIV в. (XV, как позднее поправил А. А. в исследовании о них 1903 г.). Шахматов отметил употребление *е* в ц.-словянских формах **предъ**, **вредъ**, **среда**... вместо **прѣдъ**..., также в формах дат. и местн. ед. местоимений личных 2 л. и возвр. **тебе**, **себе**. На стр. 224 — 225 Шахматов говорит о чередовании в памятниках букв **и** и **ѣ**, в чем видит указание на закрытое произношение **ѣ** в церковных книгах. Здесь же Шахматов уже высказывает (с. 212) предположение, что «общерусский язык произносил **ѣ** как дифтонгическое сочетание *ie*» на основании следов такого произношения в северно-малорусских и некоторых белорусских говорах. Любопытны также высказанные в этой статье наблюдения Шахматова над живым произношением в северо-западной части Олонецкой губ., где *е* < *ъ* «под ударением произносится закрыто перед твердым слогом». Эти наблюдения были сделаны А. А-чем во время диалектологической поездки в Олонецкую губ. в 1884 г., повторенной потом в 1886 г.; результатом последней были записи народных сказок.

По исследование русской диалектологии и истории русского языка Шахматов стремился осветить сравнениями с явлениями других славянских языков, ревностному изучению которых посвящает немало времени по

оставлении при университете с 1887 г. Именно в это время (1887—1889 г.), когда мне, выехавшему по болезни из Петербурга, после поправления здоровья весною 1887 г., в Харькове, при занятиях под руководством А. А. Потебни и М. С. Дринова, посчастливилось, наконец, познакомиться осенью 1887 г. с покойным академиком Ф. Ф. Фортунатовым, в то время еще сравнительно молодым (39 лет) профессором, и его учениками — уже окончившим в 1887 г. университетский курс А. А. Шахматовым, первым и живым, скоро потом (в 1889 г.) умершим студентом Игнат. Игнат. Козловским, известным несколькими небольшими статьями по сравнительной фонетике и синтаксису в Archiv für slav. Philol., с посещавшим лекции и семинарий Фортунатова молодым норвежским ученым Олафом Броком, теперь известным профессором словянской филологии в Христиании [1], — когда на четвергах у Фортунатова мы и другие ученики Фортунатова — В. И. Щепкин, П. А. Лавров (к сожалению, я ни разу не встречал тогда В. М. Истрина) сходились и делились под его руководством своими научными интересами, при деятельном участии ученого полиглотта профессора, впоследствии академика Ф. Е. Корша, Шахматов в своих рефератах в семинарии Ф. Ф. Фортунатова и в своих частных занятиях обнаруживал, с одной стороны, интересы к различным вопросам русской грамматики, в частности писал о видах русских глаголов, с другой стороны, к восстановлению праславянских типов ударений на основании сравнительного изучения ударений сербско-хорватских и русских. И нередко, заходя в гостинницу «Петергоф», где жил тогда А. А., я заставал его за исследованием сербско-хорватских ударений. Тогда уже он начал изучать ударения в известной грамматике Игнатия Берлича и интересоваться ударениями Юрия Крижанича, изданием сочинений которого Шахматов занялся вместе с некоторыми другими молодыми московскими славистами (один выпуск — «Putno opisanie od Lewowa do Moskwi» — издан был Обществом Истории и Древностей в 1891 г. под редакцией В. И. Щеп-

[1] Из числа более старых учеников Фортунатова за этот же период времени мне удалось познакомиться с автором ценного исследования «Основы настоящего в старо-славянском и литовском языках» Г. К. Ульяновым, приезжавшим в 1888 г. в Москву для защиты диссертации.

кина). Плодом его изучений Берлича, Стулли и Крижанича явились замечательные исследования «К истории сербско-хорватских ударений» в «Русском Филологическом Вестнике» 1888—1895 гг. Путем сравнений ударений Берлича с системой ударений Вука Караджича и Антона Мажуранича Шахматов пришел к убеждению, что посавский говор Берлича представляет во многом среднее положение между чисто штокавским типом Вука и чакавским хорватским Мажуранича, при чем Шахматов отметил более архаизма в чакавщине Мажуранича, чем в чакавщине Неманича. То же срединное положение между штокавским и чакавским типами Шахматов находит и в говоре Ю. Крижанича, уроженца юго-западной Хорватии близь реки Купы (Колпы), и города Бихача. Главная особенность — оттяжка ударения, свойственная штокавскому наречию, лишь на предшествующий долгий, не краткий слог (rûka, но vodȁ; Берлич пишет rûka и rûkȁ, но vodȁ, так как Вукову знаку ˝ у Берлича соответствует ˆ). Кроме того, чрезвычайно важным является сохранение у Берлича и чакавцев (по Мажураничу в отличие от Неманича) старого восходящего ударения, обычно замененного в штокавском наречии нисходящим (шток. крâљ — krâlj, у Берлича и чакавцев Мажуранича králj) или перенесенного на предшествующий слог с сохранением лишь долготы первоначально ударенного (vodé ф. род. ед. заменилась у штокавцев формою vòdē — bòdē, но сохранилась у Берлича и некоторых чакавцев). Самый важный вывод, который сделал Шахматов в своих акцентологических изысканиях, заключается в признании вслед за Даничичем неперво-начальности как штокавской, так и чакавской акцентовки и предположении *двуслогового* ударения в прасербско-хорватском и, восходя далее, праславянском в таких случаях, как vȍdȁ, rȗkȁ, vȍdé, rȗké, в чём выводы Шахматова согласны с выводами Мазинга (К истории с.-х. удар., 39). «Внимательное отношение к Берличу задолго до исследования Мазинга могло бы привести к предположению о существовании двуслогового ударения в сербско-хорватских наречиях», говорит Шахматов (ib. стр. 26). Здесь же мы видим уже употребление Шахматовым его терминов «музыкально-экспираторное» и «экспираторно-музыкальное» ударения, столь подробно мотивированных и разъяснённых в позднейшем

сочинении Шахматова: «Очерк древнейшего периода истории русского языка» §§ 128—176 (Энц. сл. ф. 11.1, 1915).

В 1896 г. Шахматов совершает поездку в южно-словянские земли, где изучает посавские и черногорские говоры.

Сделанные в первых своих довольно обширных (71 + 74 + 98 стр.) исследованиях по акцентологии выводы Шахматов дополнял после своей поездки в сербско-хорватские земли в последующих статьях, уже будучи академиком, в «Известиях Отдел. русск. яз. Акад. Наук» т. III (1898 г.), стр. 1—34, т. VI (1901), стр. 339—353, при чем рецензентом его в журнале Ягича был известный исследователь сербско-хорватского языка, автор сочинения «Die serbokroatische Betonung südwestlicher Mundarten» (Wien 1900) Милан Решетар. Все эти акцентологические исследования, к которым кроме Фортунатова не мог не побуждать Шахматова также и автор «Славянской акцентологии» Р. Ф. Брандт, занявший по смерти А. Л. Дювернуа в 1885 г. кафедру словянской филологии в Московском университете, положили твердое основание весьма ценным исследованиям по древнейшей истории звуков русского языка, имеющим целью выяснить происхождение таких общих, столь тесно связанных с ударением явлений прарусского яз., как 1-ое русское полногласие, с одной стороны, и таких древних диалектических явлений, также обусловленных местом и качеством ударения, как южно-великорусское (по происхождению «восточно-русское») аканье, с другой. Следует именно заметить, что, занимаясь историей сербско-хорватских ударений, Шахматов не оставлял своих главных интересов — истории и диалектологии русского языка. Уже в конце 80-х годов, готовясь к магистерским экзаменам и по сдаче их в 1889 г. к чтению курса по истории русского языка, Шахматов обдумывал и план общего курса прочитанного им в качестве приват-доцента в 1889—1890 г., и проекты будущих работ по истории звуков русского языка и по вопросу о происхождении русских наречий, весьма интересовавшему Шахматова в течение всей его ученой деятельности. Какими обширными сведениями по древним памятникам старо-словянского и русского языков, по русской диалектологии и по словянским языкам, по истории изучения русского языка обладал Шахматов, видим из изданного слушателями

литографированного курса 1889—1890 г. Эти сведения, подкрепленные научным освещением, не только почерпнутым из лекций его учителя Ф. Ф. Фортунатова, но и вполне усвоенным им, переработанным и далее развиваемым как своим собственным, Шахматов и обнаружил в обширной диссертации, представленной им на соискание степени магистра: «Исследования в области русской фонетики», которая была удостоена Историко-филологическим факультетом Московского университета степени доктора, благодаря ее выдающимся научным достоинствам. С этой диссертацией, печатавшейся по частям в «Русском Филологическом Вестнике» под редакцией и при деятельном содействии проф. А. И. Смирнова в 1892—1893 гг., Шахматов приехал в Москву из своей Саратовской деревни, где, как это ни казалось тогда странным, он, оставя начатую столь блестяще деятельность приват-доцента русского языка, в течение около трех лет исполнял должность земского начальника. Написанная в деревне диссертация показала, что практическая, чуждая чистой науке, деятельность не помешала Шахматову привести в порядок накопленные в течение многих лет ученые материалы, хотя местами и заметна, впрочем, обычная в диссертациях на степень некоторая поспешность и недоговоренность, в особенности в формулировке общих положений, восстановляющих гипотетические явления праславянского и прарусского языков, что̀ и вызвало упреки критики (см. рецензии Ягича и Соболевского), указывавшей, что объяснение этих общих положений скрыто под замком Фортунатовских лекций. Но если некоторые более старые слависты (в особенности А. И. Соболевский в Ж. М. Н. Пр.) высказались, вопреки оффициальным оппонентам, несколько сурово о гипотетичности некоторых положений Шахматова, то, напротив, мы, сверстники, хотя и отставшие в обширности и оригинальности научных исследований, еще неуспевшие стать на самостоятельную научную дорогу, были до такой степени восторженно подавлены новизною и оригинальностью взглядов Шахматова, подкрепленных удачно подобранными примерами, что писали хвалебные отзывы, имевшие целью распространить идеи Шахматова и его учителя Фортунатова не только в среде специалистов, но и в более широких кругах, связав их с некоторыми общими методологическими положениями новейшей науки.

Проведя около двух лет (1888—1889 г.) в Москве в постоянном общении с кружком нашего покойного учителя Ф. Ф. Фортунатова, я не могу забыть, как много поучения выносил я, немного старший годами и окончанием университетского курса, из бесед с молодым, но очень серьёзным и сосредоточенным, уже успевшим создать себе самостоятельное научное положение А. А. Шахматовым, с которым ранее был лишь бегло знаком, благодаря приезду А. А. в Петербург и случайной встрече моей с ним на вечернем собрании для занятий литовским языком у Ягича. Многие взгляды Фортунатова мне стали впервые известны, лишь благодаря беседам с Шахматовым, на которого я в Москве даже привык смотреть как на посредника между нами, «оглашенными», т. е. еще не усвоившими всей премудрости Фортунатовских лингвистических взглядов, и самим Фортунатовым, нашим общим учителем. Вообще я должен сказать, что, если первоучителем моим (в Пет. унив.) по словянской филологии был И. В. Ягич, всегда отзывавшийся с большою похвалой, почти благоговением и о Потебне и о московских лингвистах Фортунатове, Корше и их талантливом ученике Шахматове, то после весьма ценного для меня ознакомления с лекциями Потебни я должен отметить огромное влияние не только Фортунатова, как представителя сравнительного языковедения, но и Шахматова на всем последующем ходе моей научной деятельности. Я это отмечаю здесь особенно потому, чтобы показать, что Шахматов был учителем и руководителем не только младших, но и старших своих современников. До сих пор не могу переоценить, какое сильное влияние оказала диссертация Шахматова «Исследования в области русской фонетики» на мое «Исследование о языке Новгородской летописи». Написанная мною и напечатанная в «Записках Харьковского университета» 1894 г. рецензия на книгу Шахматова заставила меня не только пассивно поучиться и усвоить то, что стало достоянием науки после «Исследований» Шахматова, но и самостоятельно обратиться к изучению материялов древне-русских памятников при помощи тех критических методов, которые столь ярко обнаружились частию уже в студенческой работе «О языке Новгородских грамот»..., в особенности же в первом из крупнейших трудов Шахматова — «Исследованиях в области русской фонетики». Какие же это были методы, прово-

димые Шахматовым? Во-первых, исследуя язык древних памятников, необходимо с осторожностью и критически относиться к буквам, не смешивать букв со звуками, стараться осветить буквы путем всевозможных сравнений одних памятников с другими и особенно с данными живого языка; лишь при таких условиях исследования, когда мы принимаем во внимание обстоятельства возникновения древне-русской письменности на чужом, хотя и родственном словянском (старо-болгарском) языке, когда мы считаемся с психологией древне-русских писцов, благоговейно относившихся к традиции оригиналов и не заботившихся о проявлении особенностей своего родного говора, а лишь невольно, по недоразумению, отступавших от правописания своих оригиналов, хотя у них и образовались свои правописные школы по мере постепенного отступления от правописания оригиналов, когда мы считаемся с живым произношением южнословянским, которое также рано могло влиять и на оригиналы древне-русских рукописей, — лишь тогда мы будем в состоянии заставить заговорить древние рукописи, извлечь из них данные живого языка того времени. Во-вторых, восстановляя древние формы и звуки, мы связываем их в одну эволюционную нить с современными, отмеченными в разных говорах живого русского языка или, что то же, разных местностях восточно-словянской языковой области. Все языковые явления одной языковой группы связываются, таким образом, взаимно происхождением, и мы при помощи изучения живого и письменного материала восстановляем не только историю русского языка доступного нам исторического времени, но и явления языка прарусского и праславянского, подходим к недоступному по документальным данным времени до разделения восточно-словянской отрасли на отдельные русские языки. Восстановление праязычных форм и возведение к ним современного диалектического разнообразия составляет особенность школы Фортунатова — Шахматова. Мне придется еще касаться некоторых общих методологических приемов Шахматова при разборе его позднейших работ и, в связи с этими общими положениями, некоторых частных выводов о разделении и взаимном отношении словянских языков. Здесь скажу, что «Исследования» Шахматова, посвящённые истории явлений вокализма древне-русских говоров (истории звуков *е* и *о* и, следовательно, выяснению таких явлений, как малорус-

ская дифтонгизация *е* и *о* в закрытых слогах, как переход древне-русского дифтонгического сочетания ѣ = *ie* в *і* и *е* в разных русских говорах[1], как изменение гласных *е* и *о* в неударяемых положениях, т. е. объяснение *а*канья, *и*канья и т. п. явлений, связанных с редукцией гласных, наконец, что̀ весьма важно, различение $e > a$ и $e > i$ независимо от ударения в эпоху, предшествующую редукции неударяемых гласных) оказали влияние своим методом и на работы, посвящённые истории явлений консонантизма. Я разумею труд профессора Е. Ф. Будде «К истории великорусских говоров» (Казань, 1896 г.), исследующий явления консонантизма и возводящий новейшие диалектические особенности произношения согласных шипящих и свистящих к эпохе общерусского праязыка, обладавшего в своих говорах средними звуками между *ч* и *щ*, между *ж* и *з*, между *ш* и *с*, подобно среднему между *о* и *а* в области вокализма (Будде, К истории великор. гов., стр. 325).

Выбранный в 1894 г. адъюнктом Российской Академии Наук, Шахматов в декабре 1894 г. переехал в Петербург. Здесь Шахматов деятельно принялся за целый ряд работ по всестороннему изучению рус-

---

[1] Чрезвычайно важным является наблюдение Шахматова над употреблением буквы ѣ в древне-русских памятниках, о более правильном ее употреблении в памятниках народных, чем в пам. церковных. Особенно интересны главы 11 и 12, разбирающие вопросы: а) о звуке и букве ѣ в «восточнорусских» наречиях, при чем «восточнорусские» памятники Шахматов делит на 4 категории, и б) «об изменении дифтонгических сочетаний ie^i и ie^a в монофтонги в наречиях восточнорусских», при чём второе основано на материале, классифицированном в главе 11. Деля памятники на 4 категории, Шахматов относит к первой те, которые не смешивают букв *ъ* и *е* (напр., Лавр. сп. Повести врем. лет), ко второй — «памятники, употребляющие ѣ вм. *е* перед следующими мягкими согл., в конечном открытом слоге, а в слоге следующем за ударением также и перед твердою согласною, и представляющие при этом *е* вм. *ъ*» (Ипат. сп. летописи), к третьей — памятники, в которых б. ѣ правильно заменяет *е* в конечном открытом слоге, перед мягкой согласной и неударяемое *е* перед твердой согласной, при редком *е* вм. ѣ (первых 2 части синод. списка Новгор 1 летоп.), к четвертой — памятники с обычным *е* вм. ѣ и редким ѣ вм. *е* (памятники западно-русские), см. стр. 140 — 158. Эти наблюдения над памятниками тесно связаны Шахматовым с явлениями живых говоров: замена буквою ѣ буквы *е* связывается с закрытым узким произношением *е* в некоторых северно-русских говорах, представляющих даже переход *е* в *і* в полож. перед мягким слогом, при чём Шахматов отметил и ряд северных памятников (XIV—XVI в.), имеющих букву *и* вместо *е* и ѣ (стр. 168—170) даже под ударением.

ского языка во всех его разновидностях. В лице Шахматова Отделение получило не только самостоятельного и энергичного работника, но и умелого организатора. Начатый изданием еще при жизни акад. Я. К. Грота словарь русского языка при Шахматове получил более научный, документальный характер, благодаря систематическому цитированию каждого слова не только из сочинений писателей XIX в., лучших образцов русской литературной речи, но и народных русских говоров, и благодаря сравнению почти каждого слова с соответствующими по звукам и этимологии словами других славянских языков. При этом, в виду полноты материала, словарь в корректурных листах рассылался специалистам русского языка в разные города для дополнений. Но особенной заботой Шахматова было оживление диалектологических исследований и прежде всего собирания сырых материалов, в которых, после энергичной деятельности покойного Колосова в 1870-х годах, чувствовался большой недостаток. С этою целью Шахматов приступил к составлению программ для собирания особенностей великорусских говоров, поручив составление программ для собирания белорусских говоров Е. Ф. Карскому, а—малорусских Михальчуку, позднее А. Е. Крымскому и Тимченку. Эти программы, разосланные в самые глухие уголки русского мира народным учителям и учительницам и прочим местным интеллигентным жителям, имели магическое действие: ответы и даже целые статьи посылались в Отделение и печатались на страницах «Известий Отдел. русск. яз.», и мы получили массу ценных материалов по словарю, фонетике и морфологии великорусских, белорусских и малорусских говоров. «Материалы» печатались под редакцией Шахматова в «Известиях Отдел. русск. яз.», отдельные описания, этнографические и диалектологические исследования — частию в «Известиях», частию в «Сборнике Отдел. русск. яз.», при чём кроме ранее известных диалектологов профессоров Е. Ф. Будде, Е. Ф. Карского, М. Г. Халанского, продолжавших свои диалектологические экскурсии (проф. Будде в Рязанскую, Тульскую, Калужскую и Орловскую губ., проф. Карский в разные местности Белоруссии, проф. Халанский — в Курскую губ., в разных местностях которой он почерпнул свои материалы для сборника «Народные говоры Курской губ.»), результаты которых печатались в изданиях «Отделения», выступили

вновь неоффициальные ученики Шахматова, частию просто кропотливые любители и собиратели русского слова из учителей народных и городских школ, стяжавшие себе почетную известность своими объемистыми трудами по собиранию особенностей народной и литературной русской речи, как напр. В. И. Чернышев, частию молодые московские ученые, прошедшие университетский курс и даже успевшие еще застать последние годы профессорской деятельности общего учителя Ф. Ф. Фортунатова до перехода его в Петербург в качестве академика в 1902 г.; из этих последних выделился особенно Н. Н. Дурново, известный «Диалектологической картой Калужской губ.» (1904 г.), «Говором села Парфёнок», «Очерком русской диалектологии» (Труды моск. диалектол. ком., в. V, 1915, при «диалектологической карте русского языка») и многими другими трудами по великорусской диалектологии, предпринятыми частию по инициативе Шахматова и его «программ», частию позднее в качестве деятельного члена Московской Диалектологической Комиссии, председателем которой был покойный академик Ф. Е. Корш, в особенности же новейшими обширными «Диалектологическими разысканиями в области великорусских говоров» (1917—1918 г.), печатавшимися в 6 и 7 выпусках «Трудов Московской Диалектологической Комиссии».

Из ученых Петербургского университета, учеников академика А. И. Соболевского, следует отметить Н. М. Каринского, известного несколькими статьями по диалектологии и ценным исследованием по рукописям «языка Пскова и его области в XV в.» (1909 г.), Л. Л. Васильева, написавшего ряд ценных исследований по северно-великорусским и южновеликорусским говорам, и Д. К. Зеленина, ныне профессора Харьковского университета, издавшего многочисленные этнографические и диалектологические материалы (сказки Вятского и Пермского края), для истории же русского языка, русского быта и русской колонизации давшего весьма много в ценном труде: «Великорусские говоры с неорганическим и непереходным смягчением задненебных согласных в связи с течениями новейшей великорусской колонизации». Из всех новейших ученых влияние методов и идей Шахматова можно заметить, однако, наиболее на Н. Н. Дурново и Л. Л. Васильеве, которого ценил покойный А. А. в особенности, как талантливого и оригинального исследователя.

В марте 1896 г. Шахматов женился на дочери проф. А. Д. Градовского — Наталии Александровне, от которой имел сына и трех дочерей. С женою он совершил упомянутое выше путешествие в словянские земли.

Но побуждая молодых ученых к историко-диалектологическим исследованиям, Алексей Александрович и сам, уже будучи адъюнктом Академии, а с 3 мая 1897 г. экстраординарным, с 4-го же декабря 1899 г. ординарным академиком, продолжал начатые в молодости наблюдения и не чуждался черновой работы диалектолога: в 1895 г. он изучал на месте говоры Мещовского и Мосальского уездов Калужской губ., в 1908 г. он ездил в Борисовский у. Минской, в 1911 и 1912 г. в Егорьевский и Спасский уезды Рязанской губ. Плодом его изучений мосальских и (по материалам Добровольского) соседних ельнинских (Смоленской губ.) говоров явилась весьма важная в научном отношении статья: «Звуковые особенности Ельнинских и Мосальских говоров» (36 и 38 т. «Русск. Фил. В.» 1896 и 1897 г.). Эта статья подготовила материал к обширному исследованию Шахматова, напечатанному в Р. Ф. В. 1902 г. (в честь Ф. Ф. Фортунатова): «Русское и словенское акание», где впервые южно-великорусское и белорусское аканье подверглось тщательному научному обследованию с разных точек зрения: с точки зрения сравнения с подобными явлениями одного из южных словянских языков, и сопоставления со сходными явлениями языка праславянского, восстановляемыми путем сравнения судьбы иррациональных гласных в словянских языках и определения роли количества и ударения в происхождении этого явления. Отмечая сходные с русскими явления в словенских говорах, Шахматов отметил и их существенные отличия, указав, однако, и общую главную причину аканья — редукцию гласных, которой подвержены в словенских (крайнских) говорах не только неударяемые, но и вообще *краткие* гласные *і* и *и*, между тем как редукция, лежащая в основании великорусского аканья, коснулась лишь *неударяемых* гласных *е*, *о*, *а* как в положении после мягких, так и в положении после твердых звуков. Взаимное отношение редуцированных гласных в зависимости от степени их отдаленности от ударяемого слога Шахматов сравнил с судьбою иррациональных гласных в языке старословянских

памятников. Обширная статья Шахматова в первой своей половине представляет, несомненно, большой интерес для славистов — исследователей словенской (крайнской, штирийской, хорутанской, горицкой) диалектологии вследствие обильно приведенных в ней данных произношения неударяемых гласных в различных местностях этой языковой области. Есть в ней и некоторые весьма важные, хотя и спорные, принципиальные выводы по истории звуков словенского языка на основании изучения диалектологии словенской, а именно, вопреки господствовавшему ранее и господствующему отчасти и теперь мнению о преемственной связи древних праславянских иррациональных с новословенскими глухими, Шахматов высказал предположение, что новословенские глухие (обычно глухое *e*, редко глухое *a*, в различных говорах Крайны и Горицы) отделены от древних прасербско-словенских *ъ* и праславянских *ъ* и *ъ* иррациональных (в сербско-словенскую эпоху праславянские *ъ* и *ъ* совпали в одном иррациональном типа *ъ* без смягчающего, однако, действия последнего на предшествующие согласные) эпохою перехода этих последних в чистые гласные полного образования подобно тем, которые слышатся и теперь в некоторых говорах Штирии, имеющих чистое *e* соответственно первоначальным праславянским *ъ* — *ъ*, в особенности же в угрословенском. По мнению Шахматова, этот гласный полного образования, в котором совпали в известную эпоху жизни словенского языка древние *ъ* и *ъ*, звучал как «средний звук между *a* и *e*» (*ä* или *ae*^{i}, т. е. закрытый звук, который слышится во французских словах père, tête...)[1]. Но словенский ученый Графенауэр[2] удачно возразил, что новые глухие звуки в словенских говорах, возникшие из кратких *i* и u, не имеют полной параллели со старыми, а следовательно возведение к одной эпохе тех и других является мало вероятным. Действительно, если мы имеем в доленских говорах такой же глухой гласный в dəm (dem) из *dim < *дымъ*, в krəh (kreh) из *kruh < *кръхъ*, как и в pes, sen < *пъсъ*, *сънъ*, то эта параллель ограничивается только положением в закрытых слогах под кратким ударением, между тем как в открытых крупное различие: род. ед. krúha, díma,

[1] Русское и словенское акание, стр. 5.

[2] Archiv für slav. Philologie, B. XXVI, 1904. ss. 116—118.

но psa, sna; из этих сопоставлений, мне кажется, ясно вытекает невозможность относить возникновение глухих в dъm и krъh к одной эпохе с глухими в pъs (pes) и sъn (sen): нельзя предположить, чтобы в pes было в известную эпоху полное чистое *е*, если древнее pъsa (пьса) изменилось в psa; это тем более невероятно, что в новую эпоху, сокращаясь, редуцируются в словенском не гласный *е*, а гласные более узкие — *i* и *u*; предположение среднего звука *ä* или *ae*^{i} едва ли облегчает дело.

Во второй половине статьи Шахматов дает обширный материал явлений аканья из южно-великорусских говоров и на основании изученных им говоров с так называемым диссимилятивным аканьем в области переходной от белорусского наречия к южно-великорусскому (в южных уездах Смоленской губ. и бо́льшей, юго-западной, части Калужской губ.) строит гипотетическую картину постепенного возникновения аканья из первоначальной редукции[1] звуков *е*, *о*, *а*. В редукции звуков *е*, *о*, *а* в иррациональные или полные узкие гласные типа *i*, *ы* в положении в неударенном слоге, непосредственно предшествующем слогу с ударяем. *а*: *сила́*, *выда́*, *трыва́* Шахматов усматривает следы древнейшей, предшествующей аканию в собственном смысле стадии того звукового процесса, который в целом характеризуется при многочисленных частных отступлениях изменением неударяемых гласных *е* — *о* — *а* в гласные типа неполного или полного *а*. Свои взгляды на аканье и его происхождение Шахматов еще лучше изложил в позднейшем своем труде: «Очерк древнейшего периода истории русского языка» (Энцикл. Сл. ф. 11.1, §§ 504—515). Под сильным влиянием идей Шахматова и написаны «Диалектологические разыскания» И. И. Дурново (1917—1918 г.), где представлены различные типы диссимилятивного *яканья* в южно-великорусских говорах, при чём принимаются во внимание те же условия более раннего (*а*) и более позднего (ī, ȳ) сокращения старых долгих гласных под ударением, которые выставлены Шахматовым.

Но я не буду забегать вперед, излагая постепенный ход развития научной деятельности Шахматова. Я должен упомянуть, что еще в конце прошлого столетия его продолжали интересовать и другие лингвистические,

---

[1] Русск. и слов. ак. стр. 38 и след.

филологические и исторические вопросы. Вступив в число членов Академии Наук, Шахматов в первых же книжках редактируемых им «Известий Отдел. русск. яз.», а затем в Ж. М. Н. Пр. и других повременных изданиях дал ряд исследований историко-филологических: о Житии Ѳеодосия Печерского, тщательно сличив его по Успенской рукописи XII в. с житием св. Саввы по рукоп. XIII в. в сборнике кн. Вяземского и доказав зависимость русского жития от греческого в славянском переводе; — о хронографе и наконец о летописях. Исследование летописных текстов и восстановление древнейших киевского и новгородского сводов составляло одну из любимейших тем исследований Шахматова и после многолетних кропотливых изысканий, результаты которых он печатал в Ж. М. Н. Пр. с 1897 г., в «Известиях Отдел. русск. яз. А. Н.», в отчетах о присуждении академических премий, в «Летописи занятий Археограф. комиссии», в «Чтениях в Обществе Истории и Древностей при Московском Университете», в «Изданиях Общества Любителей Древней Письменности», завершилось обширным сводным трудом, напечатанным в XX томе «Летописи занятий Археографической Комиссии» 1908 г. и обнимающим XX+686 стр. in 8°: «Разыскания о древнейших русских летописных сводах». Параллельно Шахматов занимался и изданием древних памятников: в 1899 г. в «Чтениях Общ. Ист. и Древн.» он совместно с проф. П. А. Лавровым издает значительную часть Сборника XII в. Моск. Успенск. Собора (сказание о Борисе и Глебе, житие Ѳеодосия Печерского и др.); в 1903 г. во II томе издаваемых Отделением русск. яз. А. Н. «Исследований по русскому языку» он дает проверенное по оригиналам издание 115 двинских грамот (позднее, в 1909 г., совместно с И. М. Сибирцевым, в том же томе «Исследований» он печатает еще несколько двинских грамот XV в.) в приложении к «Исследованию о двинских грамотах XV в. части I и II», заключающему на 140 стр. общие замечания, описание состава и языка грамот; наконец, минуя много мелких изданных Шахматовым текстов, укажем, что он же приготовил к печати новое точное издание «Ипатьевской летописи», выпущенное Археографической Комиссией в 1908 г. в качестве II т. Полного Собрания русских летописей. Проработав много лет над критикой текста первоначальной летописи, Шахматов, подобно Миклошичу, пытается дать

предполагаемый первоначальный текст в издании Археограф. Комиссии: «Повесть временных лет. Том I. Вводная часть (LXXX стр.). Текст (374 стр.). Примечания (375—402)». Птр. 1916. Конечно, восстановление текста кажется иногда произвольным и нуждается в дополнительных разъяснениях, почему отдано предпочтение той или другой форме.

Я не буду перечислять всех исторических и историко-критических статей Шахматова: желающие найдут их заглавия в списке трудов А. А., напечатанном в изданных Российской Академией Наук «Материалах для биографии д. членов А. Н.», а также в посвященном ему XXV томе «Известий Отд. русск. яз. Р. А. Н.».

Но считаю нелишним обратить внимание на то, что интерес к такого рода исследованиям у Шахматова был очень велик, — пожалуй не меньше, чем к исследованиям чисто-лингвистическим или лингвистическо-археологическим и этнологическим.

В целом ряде юбилейных сборников Шахматов помещает статьи, близко касающиеся летописных сказаний или сказаний и памятников, общих летописи и другим источникам. В «Юбилейном Сборнике в честь В. Ф. Миллера» (Москва 1900 г.) Шахматов помещает статью: «Начальный киевский летописный свод и его источники» (стр. 1—9). В «Сборнике в честь и память М. С. Дринова», вышедшем в 1908 г., он разбирает «Один из источников летописного сказания о крещении Владимира» (помечено «27 декабря 1903»), стр. 63—74. В «Сборнике в честь акад. В. И. Ламанского» (СПб. 1908) напечатана обширная статья, целая диссертация Шахматова, «Корсунская легенда о крещении Владимира», стр. 1029—1153. В «Записках Укр. Науков. Товар. ім. Шевченка в Київі» помещена статья «До питання про північні перекази за княгиню Ольгу», стр. 84—94. В «Zbornik u slavu Jagića» (Берлин 1908) — «Сказание о преложении книг на словенский язык», стр. 172—188. В сборнике «Пошана» в честь проф. Н. Ф. Сумцева (Харьков 1909) — «Мстислав Лютый в русской поэзии», стр. 82—91. В Сборнике в честь Д. А. Корсакова (Казань, 1913) Шахматов сообщает «Несколько слов о Воронцовском историческом сборнике XVI в.»; в «Сборнике в честь 70-летия Д. Н. Анучина» (М. 1913) —

«Заметку о составлении Радзивиловского (Кенигсбергского) списка летописи»; в сборнике Наук тов. ім. Шевченко, т. CXVII і CXVIII (Львів, 1914) «Іванови Франкови в сорокліте письменської діяльности» восстановляет старое мнение о Несторе в ст. «Нестор летописец», стр. 31—53. В Сборнике в честь проф. Ф. А. Брауна (Зап. Неофилол. Общ. Петр. Унив. VIII, 1915) дает «Несколько замечаний о договорах с Греками Олега и Игоря», стр. 385—407. Параллельно с этими и другими самостоятельными статьями, посвященными критике исторических источников, Шахматов успевает еще писать обширные рецензии — диссертации на историко-критические темы: таковы 1) критический отзыв о соч. П. А. Тихомирова «Обозрение летописных сводов Руси северо-восточной» (из отчета о XL присуждении наград графа Уварова, СПб. 1899, стр. 1—134 in 4°) и 2) Отзыв о соч. С. Шамбинаго: «Повести о Мамаевом побоище» СПб. 1906 («Отчет о 12 присуждении А. Н. премии митроп. Макария в 1907 г.», VI, стр. 79—204 in 8° больш. форм., СПб. 1910).

Я не буду еще останавливаться на трудах Шахматова в этой области: они слишком обширны и специальны и, конечно, по достоинству оценены и будут всегда цитироваться специалистами по русской истории, историографии и истории литературы. Можно лишь удивляться, как такой глубокий специалист по языковедению, как автор «Исследований в области русской фонетики», «К истории звуков русского яз.» и множества небольших и средних по объему лингвистических статей и рецензий на лингвистические труды, — как автор столь специальных лингвистических исследований, в дебрях которых не всегда с успехом разбирались записные лингвисты, не дерзавшие вступать в область критического исследования исторических источников, находил время и вкус к исследованиям последнего рода и даже, можно сказать, обнаруживал необычайный талант в решении этих вопросов[1]. Точность лингвиста применялась им в работах филологических. Для нас указание на подобного

[1] В своих историко-литературных исследованиях Шахматов пользовался теми же методами сравнительно-исторического анализа, которые он применял в исследованиях лингвистических; «недаром его учителями были Н. С. Тихонравов и В. Ѳ. Миллер». Срв. характеристику литературных работ А. А. в ст. В. В. Виноградова «А. А. Шахматов», стр. 69—80.

рода работы Шахматова является важным еще с другой стороны — с точки зрения подготовки его к решению сложных вопросов о происхождении русских наречий, русских народностей и русского государства, к освещению русских и словянских древностей. Дело в том, что для решения этих этнологических вопросов необходимо восстановление первоисточников. Об этих, чрезвычайно интересных и для историка и для лингвиста, и для этнографа и этнолога, работах мы скажем потом, теперь же вернемся к обзору лингвистических трудов Шахматова конца прошлого и начала нынешнего столетия.

Еще ранее статьи об аканье после «Исследований в обл. р. ф.» Шахматов написал статью «К вопросу об образовании русских наречий» (1894 г.), о взглядах которой скажу в связи с другими, последующими статьями того же содержания. Затем, параллельно с исследованиями об ударениях, одно из которых, помещенное в сборнике «Χαριστήρια» 1896 г. в честь Ф. Е. Корша, разбирает вопрос «об общих явлениях в греческом и славянском ударениях», и с указанными выше собираниями диалектологических материалов, следует упомянуть о двух крупных академических рецензиях: 1) на сочин. Е. Ф. Будде: «К истории великорусских говоров. Опыт историко-сравнительного исследования народного говора в Касимовском уезде Рязанской губ.» (Казань, 1896)— в «Отчете о присуждении Ломоносовской премии в 1897 г.», стр. 25—73, и 2) на соч. чешского ученого Яна Гебауэра «Historická mluvnice jazyka českého» (díl. I. 1894, d. III 1896) — в «Отчете о присуждении премии проф. Котляревского в 1898 г.», стр. 17—105, СПб. 1899.

Первая, кроме чисто лингвистических замечаний, заключает и соображения о колонизации древне-русских племен, что̀ удобнее будет рассмотреть в связи с переменой взглядов Шахматова на эти вопросы в ряде его статей, начиная с 1894 г. по 1919 г. Так как Будде построил картину Касимовского говора на исследовании явлений звуковых, то замечания рецензента и касаются только этих явлений. Главное и справедливое возражение Шахматова относится к мнению Е. Ф. Будде о слишком древнем возникновении тех диалектических различий, которые наблюдаются в консонантизме касимовских говоров, именно шепелявости

произношения *ш* и *с*, *ж* и *з*, рядом с взаимною близостью и смешением *ц* и *ч*. Шахматов справедливо возражает против необходимости отнесения этих различий в прарусскую и даже прасловянскую эпоху, тем более не считает возможным относить возникновение средних между *ш* и *с*, *ж* и *з* звуков к эпохе балтийско-словянской, когда возникало различие между литовск. ž, sz и словянскими *з*, *с*, и местами делает важные методологические поправки, указывая на смешение сходных, но разновременных явлений. Вопреки проф. Будде Шахматов предпочитает более важным критерием деления говоров признавать *аканье* и *оканье*, чем шепелеватость, полушепелеватость и т. п.[1]. На стр. 59 Шахматов справедливо высказывается за старое мнение о происхождении *-ой*, *-ей* в имен. ед. муж. р. прилагательных членных из *-ый*, *-ий*, в противоположность мнению Будде о том, что последних форм никогда не было в великорусском: как сравнительное исследование русских наречий, так и внимательное изучение древне-русских памятников с различением в них черт чисто русских от внесенных из южно-словянских оригиналов приводит нас с очевидностью к правильности мнения Шахматова; сравнительное же изучение словянских языков (сербск. до̏брӣ, чешск. dobrý, польск. dobry, ст.-слов. **добръıи**) приводит к мысли о необходимости форму *-ыи* (-yi̯) в имен. ед. муж. р. отнести к эпохе прасловянской. Действительно, если мы и встречаем в некоторых из древнейших памятников русской письменности формы на *-ои* и *-ъи* (**нестере чюдьнои** Мин. 1096, 107[а], **вѣчьнои животъ** Мин. 1097, 4[б], **день соудьнои** Евг. Псалт. 160[а] и друг., см. Ягича «Критич. заметки по истории русск. яз.», 130, 29; **видѣвъи, дьр̆жавьнъи, нарицаѥмъи** и др. в Остром. Ев., М. Козловский, О языке Остромирова Евангелия, стр. 56, **изиде умьръи** Милят. Ев., пречистъи, блаженъи и др. в Ж. Нифонта 1219 г., А. И. Соболевский, Лекции по ист. русск яз.[4], стр. 229—230), то едва ли можно сомневаться в том, что эти формы, вопреки мнению Ягича 1889 г. (в указ. сочин.), перенесены из южно-

---

[1] В защиту, однако, крайностей выводов проф. Е. Ф. Будде мы должны сказать, что они лишь плод слишком неумеренного применения того же метода искания источников современных диалектических различий в праязыках, которым пользовались наши учителя — Фортунатов и Шахматов.

словянских оригиналов; настоящие великорусские примеры на — *ой* встречаются в новгородских и московских памятниках не ранее XIV в. (Соболевский, Лекции, 230). Эти же, указанные здесь формы на *-ги* > *-ои* и в старословянских (Зограф. Ев., Синайск. пс.) памятниках следует считать новообразованиями по аналогии (под влиянием нечленных форм). От форм прилагательных и причастий членных следует, однако, отличать формы местоимений (вьсякъ*ги* Ев. Милят. 1215 г., *тги* Ев. 1270 г., *тои* Рижск. грам. 1300 г.), в которых следует видеть общерусские новообразования (сравн. малор. *той*), подобно сербскому (tâj); конечно, однако, не исключена возможность образования и местоимений по типу прилагательных членных: «тъи товар» в Рижской грамоте ок. 1300 г., при чём, как известно, не только в западно-русских, но и московских грамотах с XIV-го столетия обычно склонение этого указательного местоимения по типу прилагательных членных: оу тыхъ людии (Духовн. в. кн. Семена Ивановича Моск., см. Дурново «Хрестоматия по истории русского яз.», стр. 39, также изд. А. И. Соболевского и Пташицкого «Палеографические снимки с русских грамот» . . . , № 2). Это склонение, однако, не перешло в русский литературный язык, согласный в этом с великорусскими говорами, удержавшими старое местоименное склонение (*тъхъ*, *тъмъ*), повлиявшее в ряде говоров средне-великорусской полосы (в губерниях Нижегородской, Симбирской, Тверской), а также северовосточно-белорусской[1] области обратно на склонение прилагательных, что̀ я считаю возможным видеть в формах *сырэ́х*, *простэ́х*, *молодэ́х*, *молодэ́м*, *сырэ́и*, *простэ́и*, белорусск. *старэ́я*, *злэя* (Орш., Клим.), обычных в указанных говорах, представляющих изменение звука *ы* в *э* под влиянием местоименных окончаний *-ъх-*, *-ъм-*, *-ъми-* при неполном действии грамматической аналогии, допустившей сохранение бывших перед *ы* твердых согласных перед новым *е* (почему мы и пишем букву *э*), подобным *е* < *ѣ* в *тъхъ*, *однъхъ*, *инъхъ*, обычных в великорусских говорах и древних памятниках.

В статье об исторической грамматике чешского языка Гебауэра Шахматов обнаружил весьма солидные сведения о ходе развития чеш-

[1] Е. Ф. Карский, Белоруссы, т. II. 2 (1911), стр. 319—320.

ского языка и о его отношении к русскому и другим словянским языкам. Если знание древне-чешской письменности у него не могло быть столь обширным, как у специалистов истории чешского языка, всю жизнь посвятивших себя этому изучению, тем не менее сравнительное изучение словянских языков, в особенности основательное знание русской диалектологии помогло ему шире взглянуть на многие вопросы исторической фонетики чешского языка. Из этих вопросов в особенности отметим — историю праславянских носовых, в частности носового *ę* в чешском языке (стр. 66—72). Здесь Шахматов справедливо, опираясь в особенности на факты словацкого языка, восстановляет *ä* как древнейшее произношение праславянского *ę* в чехословацком праязыке (Шахматов принадлежит к числу тех ученых, которые, в отличие от мнения проф. Т. Д. Флоринского, отстаивали происхождение чешского и словацкого языков из одной ветви в противоположность другим западно- и южно-словянским); это *ä*, из которого развились и словацкие *ä* и *ia* (в долгих слогах), изменялось в собственно чешском в *ě* (в кратких), *í* (в долгих слогах), с одной стороны, в *a* (кратк.), *á* (долгое), с другой. Это древнее *ä* совпадало, таким образом, и с предполагаемым на основании изучения русской диалектологии и древней письменности прарусским наследником праславянского звука *ę* (*е* носов.). В этом вопросе Шахматов удачно примиряет крайности взглядов Гебауэра (*ę* > *a*), с одной стороны, и Ягича (*ę* > *e*), с другой. Чешские формы причастий pek*a*, ved*a*, moh*a* Шахматов считает возможным объяснять, как и русские *мога*, *вида*, влиянием окончания *а* в slyš*a*, nos*a*... Судьбу заместителя носов. *е* в чешском яз. Шахматов считает совершенно тожественной с судьбой первонач. звука *а* в положении после мягких согласных (стр. 68).

Шахматов считает возможным упрекнуть Гебауэра в том, что он не определил отношения чешского языка к прочим северозападно-словянским. «Мы в праве ожидать от исторической грамматики чешского языка решения вопроса, можно ли допустить между эпохами общеславянского и затем чешского единства промежуточную эпоху — единства западно-славянского» (стр. 39). Между тем как проф. Гебауэр лишь упоминает местами в своей фонетике об общности всем западно-словянским языкам того или другого явления или обратно, например, справедливо

считает возникшими позже, на почве отдельной жизни польского, лужицких и чешского, отличающегося в этом отношении от ближайше родственного словацкого, шепелявые rz, š, ř, Шахматов считает возможным относить к западно-словянской эпохе целый ряд явлений: переход общесловянских сочетаний, заменивших первоначальные *tj*, *dj*, в *c* и *dz* (откуда диалектич. *z*); палатализацию согласных перед гласными передненебными; изменение европейск. *l* в ł в положении перед некоторыми гласными (задне-нёбными) и согласными; переход *s* смягченного (из *x* в извести. случаях) в *š* (справедливо Шахматов считает словацк. *s* в muse, ženisi новым[1] по происхождению, явившимся под влиянием *c* и *z* из *k* и *h*, указывая на словацкое *š* в však); выпадение неслогового *i* в положении между двумя гласными и стяжение некоторых из них в долгий гласный; сокращение долгих гласных «под особым видом ударения, соответствующего сербскому нисходящему» (чешск. ruku, польск. ręką, сербск. ру̑ку); оттяжка ударения на один слог ближе к началу слова. В частности, не возражая здесь против излишнего иногда, как мне кажется, увлечения Шахматова теорией «родословного дерева», мы могли бы поставить вопрос, почему l > ł как перед гласными заднего ряда (ła), так и в группах согласных, разделенных неслоговым ъ или ь (tъlt > tłt), следует считать только западно-словянским, а не более древним, праславянским: ведь эти изменения ограничены определенными условиями, прекрасно сохраненными, напр., языком польским, представляющим сохранение *l* после губных + ъ перед задне-небными и смягченными (wilk, milczeć, wilgoć), но изменение l > ł после твердых и мягких зубных (dług, długi, tłusty, żółty, czółno) и после губных перед тверд. зубными (pełny); более новым, явившимся в отдельных словянских языках, следует считать ł вместо ожидаемого *l* в сочетаниях из праславянск. групп tъlt за указанными пределами, каковы словацкие формы vłk, płn, vlna, между тем как в моравских говорах, сохранивших различие l и ł, находим plnit, vlk, mlčet, но dłhy, słp, žltý, tlstý; обобщение твердого ł во всех сочетаниях из праславянских

[1] Сравн. также польские новообразования mnisi, nasi, вместо древних mniši naši, откуда ожидали бы новопольск. mniszy, naszy.

t͡ьl͡t, t͡ъl͡t совершилось, как известно, в языке прарусском и составляет одну из характернейших особенностей праязыка восточно-словянского.

Весьма любопытны замечания Шахматова об отношении звуков чешского яз. к звукам языка словацкого и восстановление путем сравнений звуков чешско-словацкого праязыка (стр. 94—104). Чередованием дифтонгических сочетаний *iä* и *ie* Шахматов объясняет происхождение звука *a*, *ia* на месте древних ѣ, т. е. первоначальных *ie*, в говорах словацкого языка: гемерск. kv*ia*tok, d*ia*vka, b*iä*da, литерат. sňah, а также из первонач. *ē* > чешско-слов. *iä*: nes*ia*m, odn*ia*sol, ľ*ad*... Древнейшим чешско-словацким отражением праславянского *ъ* Шахматов считает *ŏ*, при чем *ŏ* краткому в словацком наречии соответствует *o*, *ŏ* долгому — *ie*: род. мн. mat*ie*k, myd*ie*l, но čiarok, diet*o*k; новое же *ie* из *ŏ*, как спорадически и старое *ie* (из долг. ѣ), во многих случаях заменялось дифтонг. сочетанием *iä* из *ē*, чему способствовало чередование *iä* (< *ē*) с *ě*: l*iä*d — l*e*du, m*iä*d — m*e*du, а потому и l*iä*n — ľ*a*na, die*ž*ď > di*ä*ž*ď* > dá*ž*ď; таким же образом получились в словацком r*až*, m*a*ch рядом с m*o*ch и т. п. (стр. 102—103). На стр. 104 после приведенных им примеров словацк. *a* < *ä* и *á* < *iä* Шахматов даже решается, в отличие от только что высказанного на стр. 102 положения, пойти несколько дальше в этом направлении и допустить, что «в чешско-словацкую эпоху *ъ* звучало не как *e*, а как *o*».

Параллельно с этими академическими рецензиями Шахматов пишет глубокие исследования по сравнительной словянской грамматике, восстановляя звуки праславянского и прарусского языков, под скромным заглавием: «К истории звуков русского языка». Первый выпуск этого труда, напечатанный в 4-ой кн. I-го тома (1896 г.) «Известий Отдел. русск. яз. и слов. А. Н.», занят исследованием «смягченных согласных» в «эпоху общеславянскую» и «эпоху общерусскую». В начале 1-ой главы (стр. 3) говорится о судьбе *j* и *i̯* в «общеславянском» языке. Шахматов на основании различной судьбы звука *e* в русском яз. (великор. и малор.) в положении за *j* без предшествующего гласного и за *j*, которому предшествует гласный, делает вывод, что «в одном звуке *j* совпали звуки *i̯* и *j* в начале слова и в середине слова после согласных,... в одном звуке *i̯*

в середине слова между гласными, или...: *i̯* и *j* перед гласными изменились в *j*, после гласных в *i̯*»... «Ср. с одной стороны малор. *jому*, великор. *воскресенjо*, а с другой малор. *мое*». Вопросу «о различении *йота* и неслогового *i* в истории славянских языков» посвящена и более поздняя статья Шахматова в «Русском Филологич. Вестнике» 1903 г. (т. 50), стр. 1—21 в отдельн. оттисках. В ней весьма ценны указания Шахматова на перенос ударения с древних *у* и *i* перед йотиров. гласн.: они переносили удар. на предыдущие слоги, если находились не в начальном слоге слова: в сербском яз. крӥјēм, мӥјēш, бӥјӯ, но о̏ткријēм, у̏мијēш, и̏збијӯ; указывается на исчезновение *i* перед йотированными гласн. в слоге не перед слогом с *ъ* и *ъ*: великор. *бра́тья*, белор. *бра́цця*, сербск. бра̏ћа, словенск. brâtja, польск. bracia — в противопол. старосл. и древнерусск. **братиꙗ** < праслов. *bratija; подобно этому великорусск. диалектическое (перм.) выпадение *у* (*ы*) в форме у́мi̯ет, откуда *мьёт, мью* (стр. 2). Шахматов объясняет сокращение *ī*, *ȳ* перед йотированными гласными в звуки, близкие к *ъ*, *ъ*, путем подобного предполагаемого в прагерманском удвоения j в формах *bī́jǫ, *brátīja > *bĭjǫ, *brátĭja > bъjǫ bratъja, т. е. «сочетания ъj, ьj, заменившие первоначальные ȳj, īj, совпали... с ъj, ьj, заменившими первоначальные ŭj, ĭj» (стр. 4). В сильном положении (под ударением в начальном слоге и в слоге перед след слогом с иррациональными гласными) звуки *ъ*, *ь* перед *j* переходили в *у*, *i*: «явились еще в общеслав. яз. mỳjǫ, bìjǫ, šìja, pomỳjьnica, dobryjь, sińijь»... (стр. 5). Интересны замечания об употреблении **и** и **ь** перед йотир. гласными в старослов. и древнерусск. памятн.: *ъ* слабое изображается через **и**, напр., **данию** в Мстиславской грамоте 1128—1132 г. и друг., чем объясняет Шахматов и отмеченное мною преобладание написаний **иѥ**, **иꙗ** с **и** над написаниями с *ъ* в Синодальном сп. Новгородск. 1-й летописи (стр. 8). Весьма важен вывод на основании явлений болгарского, сербского и словенского языков о переходе в прасловянском яз. ьj в ij в положении перед ударяем. гласным, чем и объясняются формы болг. *свиния́*, рядом с *сви́не*, также *зъмия́*, *мравия́*, *пия́вица*, *пия́н* и под., сербск. штокав. *пѝјавица*, *пѝјан*, *прѝјати*, *сѝјати*, чакав. pijàn, слов. bijálo, pijàn, pijâvica, prijázen,

zmija... (стр. 10—11); малор. *прия́тель* (но более известна ф. *прия́тель* при глаголе *прия́ти* и прилаг. *прия́тний*, см. словарь Гринченка s. v.), диалект. саноцк. *бию́*, *пию́*, а также с острым *і*: *пія́вка*, *забія́ка*; белор. *прія́ць*, *пія́ка*, великор. *ліять*, *пія́вка*, *віялица* и друг. Великор. *-ея́* Шахматов во многих примерах объясняет из *-ія́*, напр., в *толчея́*, *колея́*, *швея́* и друг. (стр. 11). Эти изменения Шахматов ставил в связь с предположением Фортунатова, что j > i̯ в положении перед ударяемыми гласными: естественно изменение ъ > у, ь > і в положении перед i̯. Но в той же статье (стр. 20—21) высказано еще любопытное замечание об изменении в севернорусских и некоторых (восточных) среднерусских говорах вообще j между гласными в i̯, что повело (еще раньше исчезновения слабого ъ) к резкому отличию в этом отношении позднейших великорусских, с одной стороны, и белорусских и малорусских говоров, с другой стороны: в северно-русском brat'i̯a, kol'i̯e изменились в brat'i̯a, koli̯e, в южно-русском и западно-русском brat'ja, kol'ja в brat'ja, kol'ja, откуда далее *brat't'a kol'l'a*... «вследствие неизбежной ассимиляции j предшествующим согласным». Это различие великорусских форм от форм западно- и юго-западно-русских подобно такому же на юго-западе словянском: сербское (шток.) бра̑ћа, где ћ из tj, но хорватск. и словенск. bratja, т. е. bratja.

В некоторой связи с рассмотренной статьею находится еще более поздняя, помещенная в XXXI (1910 г.) томе «Archiv für slav. Philologie», s. 481—506, весьма важная для изучения старословянского языка статья «Die gespannten (engen) Vokale ъ̂ und ь̂ im Urslavischen». Исходя из того положения, что ъ и ь были в «общесловянском» (праславянском) яз. открытыми (не напряженными), Шахматов указывает на основании сравнения явлений словянских языков, что в ряде случаев и прежде всего в положении перед i̯ они становились «напряженными» или «закрытыми» (ъ̂ и ь̂); эти последние приближались по произношению к *у*, *і* и в старословянских памятниках выражались буквами **ы** и **и**. Шахматов приходит к выводу после рассмотрения правописания старословянских памятников, что в них ь̂ (т. е. «напряженное» ь) обозначалось буквою **и** (стр. 495), и что в более поздних продолжали писать **и** также и на месте исчезнувшего ь̂, буква же **ъ** в древнейших памятниках выражала

перед йотированными буквами звук i̯; в церковном же произношении буква и произносилась как *i*, что̀ имело следствием вытеснение написаний с ъ написаниями с и. Во втором отделе той же статьи Шахматов указывает еще «напряженное» ь̂ другого происхождения — из ī в конце слов. Редукцию сократившегося в конце слов неударяем. ī > ĭ > ь̂ Шахматов относит к позднейшему периоду жизни «общеславянского праязыка», при чём ĭ из ī под ударением оставалось неизмененным. Шахматов приводит ряд случаев (всего 11), в которых «общеславянский праязык» в неударяемом конечном слоге имел ь̂ (стр. 500—503); из этих случаев особенно интересны: формы 2 л. ед. ч. наст. врем. (*-шь*) и в числе их архаичная ф. 2 л. ед. глагола *χоččǫ (русск. *хочу́*, ст.-слов. хоштѫ) праслов. *χоččь̂, откуда общерусск. *хочь* (малор. *хоч*), др.-сербск. хокь, хоћ, при ст.-словянск. хошти (Супр. 65); формы неопределен. н. *-ть* при ударяем. *-ти* в великорусск. (в других словянских языках обобщилось или *-ть* > польск. *ć*, или *-ти* > малор., сербск., слов. *ti*); слова *мать* и *дочь* (верхнелужицк. mać, словацк. mať) из *matī, *dъččī, срв. ст.-слов. дъшти, мати, чешск. máti, малор. *мати*, при чем Шахматов с одной стороны объясняет *i* в mat*i* влиянием слова *dъččì > русск. dočì, чешск. dci, с другой в русск. *дочь* влиянием формы *мать* (первое в общеслов. праязыке имело удар. ī, второе неударяем.); наречия domovī, dołovī > domovь̂, dołovь̂ откуда др.-русск. *домовь*, *доловь*, малор. *домів*; энклит. формы дат. ед. местоимений личных (др. русск. *мь*, *ть* из mī, tī, срв. чешск. toť, польск. toć) и вопрос. частицы *ли*. В III главе той же статьи Шахматов предполагает ь̂ также в букве и старословянских форм *достоинъ*, *възаимъ*; великорусск. *яйц*, *изба*, *яйшница* и др. он объясняет переходом в великорусском наречии ь̂ в *i* в положении после i̯, но то же следует предположить и для польск.-чешск. *izba* и т. п. В отдельных словянских языках в сильном положении сочетания i̯ь̂ сочетаниями i̯ь заменялись под влиянием аналогии: старослов. приѥмъ под влиянием възьмъ > въ*земъ*, о*тьмъ*, > о*темъ*, сербск. ј*а*мац, зај*а*м, сај*а*м, бој*а*ц под вл. кос*а*ц, чешск. gen. pl. vaj*e*c, польск. bój*e*c, великор. *заём*, *бое́ц*, *тро́ек* и диалект. *яе́ц*, малор. *зае́м*, *яе́ць*, *яе́шня*, *я́ечко*. Обобщая выводы своей статьи, Шахматов повторяет (стр. 506), что ь̂ в «общесл.

праязыке» возникало: 1) из ъ после i̯, 2) из ь перед i̯, 3) из сократившегося неударяем. ī в конце слова.

Интересно, что о сокращении конечного неудар. *i* в формах 2 л. ед. наст. вр., формах неопред. н., повелит. и друг. Шахматов говорил еще в юношеской своей статье «Beiträge zur russischen Grammatik» в Arch. f. slav. Phil. VII, 63—67, но тогда относил это к числу явлений древнерусского языка.

Возвращаясь к сочинению «К истории звуков русск. яз.», обращаю внимание на тонкие фонетические объяснения прасловянских изменений tj и dj, напоминающие Потебнинские объяснения 1878 г. в сочинении под таким же заглавием: *χotjǫ > *χoťħǫ > χočťǫ, *kradja > > *kraďħa > *kraǧ́ďa, при чем сербские знаки ħ и ħ Шахматов употребляет для обозначения тех очень мягких зубных, в которые переходил j, ассимилируясь предшествующим ť и ď (стр. 4). Далее Шахматов говорит о лабиализации задненебных и о их палатализации и изменении в č́, ǧ́, š́, ž́ в полож. перед гласными передненебными, объясняет переход ḱ в ć, ǵ в ś в словах типа *цвет* и *звезда* предположением более древнего u̯ > ü̯; когда с изменением oi̯ > ō̄ и далее > üö > ie̯ явились новые передненебные гласные, перед этими гласными задненебные согл. изменялись в ć, ś (ź), ś лишь в тех говорах праязыка, в которых u̯ сохранялось без изменения, в говорах же, изменивших u̯ в v, сочетания kv < ku̯, gv < gu̯ остались без изменения перед новым ō̄ > üö > ie̯, чем и объясняются польские kwiat, gwiazda, чешск. květ, hvězda, польск. же kwitnąć приходится объяснять влиянием аналогии. Во 2-ой главе находим интересные исследования о судьбе *e* в полож. после мягких согласных в эпоху прарусскую, между прочим и о малорусской дифтонгизации новых долгих *ō* из *e*: ńüösłъ̯ < < ńō̄słъ < *n^{e}esłъ, при чём по поводу изменения e > ö > o после мягк. согл. делаются интересные сопоставления с явлениями языков польского и лужицких; находим здесь интересные соображения о причинах появления смягченных согласных в конце слов, напр., в формах *кость*, диалектич. *несеть*, общерусск. *есть*; наконец, на стр. 48 объяснение прарусских *vъłkъ, *pъłnъ, *mołko из праслов. *vь̯lkъ, *pь̯lnъ, *melko прарусским изменением l > ł (лабиализован. открыт. звук *l*).

В VI томе (1901), кн. 4, стр. 269—294, под тем же заглавием «К истории звуков»... Шахматов восстановляет «общесл. *ä*», объясняя различия гласного в именных образованиях с суффиксом *-ѣн-*, *-ен-*, русск. *-ян-* при общеслов. *-ан-* в полож. после смягченных согласных (кож*ан-*, рим*лян-*) из праславянск. *-ēn-*. К этому ä возводит Шахматов сербск. *е* в дрв̏ен, сла̏мен, мје̏ден..., и русск. *я* в *деревя́нный*, *жестяно́й* и т. п. при старославянск. **дрѣвѣнъ**, **мѣдѣнъ** и т. п.; также объясняется русск. *я* в слов*ян*ский при старослов. (др. ц.-слов.) **словѣньскъ**. Это праслов. *ä* явилось после полумягких согласных вместо $\bar{e} > \widehat{ie}$ под влиянием *а* в полож. после смягченных (кож*ан-*), фонетически получившегося после смягч. звука из *ē*.

Но самые интересные исследования находим в тех статьях «К истории звуков»..., которые в 1903 г. печатались в VII и VIII томах «Известий Отдел. русск. яз. и сл.» и вышли отдельно на 212 страницах под частным заглавием «О полногласии и некоторых других явлениях». В первой главе здесь выясняется «второе полногласие». Здесь, после краткого обзора литературы о сочетаниях плавных с гласными, Шахматов, в отличие от мнения Фортунатова в его лекциях 1888 г., предполагавшего, что праславянские («общесл.») t̥ṛt, t̥l̥t восходят к таким же «литовскославянским», а эти к индоевропейским t$\widehat{\alpha}$ṛt, t$\widehat{\alpha}$l̥t, исходя, однако, из Фортунатовского же замечания, что «в балтийских и славянских, языках... еще в балтийско-славянскую эпоху индоевроп. α слогов. и $\underset{\frown}{\alpha}$ совпали вообще по качеству звука, т. е. в балтийских языках из α слог., как и из $\underset{\frown}{\alpha}$, мы находим *i* и *u*, а в славянских общесл. ъ и ъ с их фонетическими изменениями»... (Χαριστήρια, стр. 487), высказывает догадку, что подобное совпадение следует объяснять тем, что $\underset{\frown}{\alpha}$... стало слоговым еще в балт.-сл. эпоху, при чем такое изменение его звука зависело от перехода следовавших слоговых плавных и носовых в неслоговые (К истор. зв. II, стр. 4). Шахматов основывает свое предположение не только на литовских *ir*, *il*, *in*, *im* с неслог. *r*, *l*, *n*, *m*, но и на праславянском обращении индоевроп. сочетаний αn̥, $\underset{\frown}{\alpha}$m̥ в носовое *е*, чего, по его мнению, «вряд ли можно было бы ожидать», если бы в этих сочетаниях не произошло потери слогового свойства носовых. Обращаю внимание еще на отрицательное отношение Шахматова к взгляду Форту-

натова 1889 г. (Archiv für slav. Philol. XI, 571), допускавшего на основании западно-словянских ł̆u, lu изменение группы ь̯l̥ в ъ̯ł̆ еще в прасловянскую («общесл.») эпоху после твердых зубных. Едва ли можно, однако, предпочесть в данном случае сделанную Шахматовым поправку мнению его учителя. Как я уже заметил выше при разборе рецензии Шахматова на историческую грамматику чешского языка Гебауэра, я предпочитаю изменение l > ł̆ в известных фонетических условиях относить не к западно-словянской, если таковая была, а к более древней — прасловянской эпохе. На стр. 9—13 Шахматов дает обстоятельную картину изменения tь̯l̥t, tь̯r̥t в словянских языках. Стр. 19—28 представляют богатое собрание общерусских и диалектических форм второго полногласия в живом русском языке, стр. 31—34 — собрание таких форм в древних памятниках русского письма. Вывод Шахматова из исследования живого и письменного материала заключается в том, что фонетически правильными являются лишь те формы, которые имеют 2-ое полногласие в закрытом слоге, т. е. в полож. перед бывшим слогом с ъ или ь слабыми (*полон, долог, верёх, верёвка, молонья́* и т. п.), формы же, более редкие, с двумя *о* или *е* в открытом слоге (*челоно́к, горобо́к, шерести́ть* и т. п.) Шахматов объясняет влиянием родственных образований со вторым полногласием в закрытом слоге. Вместе с тем, он решительно отказывается признать второе полногласие диалектическим явлением северно-русского наречия, так как не мало примеров представляют среднерусские и малорусские говоры (стр. 31), и первоначальная область распространения второго полногласия сузилась в большинстве русских говоров под влиянием родственных образований: напр., древнее, известное в новгородских памятниках *горончар(ьскыи)* под влиянием *горнец* изменилось в *горнчар-* > *гончар-*, вместо ожидаемого *со́лонца* (из *сълънь̯ца) под вл. *солнечный* получилось *солнца* > > *со́нца* (великор.), малор. *со́нця*, вм. *черенцѝ* (* < *чьрьнь̯ци*) под вл. *чернец* (малор. *чернець*) — великор. и общерусск. *чернецы*, малорусск. *ченци* < **чернци*... Формы древнейших памятников с двумя ь или ъ не в положении перед слогом с слабыми ь или ъ Шахматов вслед за Колосовым и Ягичем объяснял (стр. 37) соединением на письме русского и старословянского произношения, считая возможным

сверх того, что такое написание (*мълъчати* и т. п.) свойственно было даже искусственному языку грамотных людей, которому Шахматов придавал большое значение при образовании языков общерусских в Киеве, Москве, Вильне...

Во втором исследовании сочетаний гласных с плавными, стр. 39—47, Шахматов выясняет условия образования первого полногласия аналогией образования второго: «если сделанное в предшествующем исследовании из сопоставления stъl̥ъbъ̯ — stъl̥ba заключение о том, что tъrt, tьrt и т. д. с *долгими* r, l̥ изменялись в общерусском в tъrъt, tьrьt и т. д., между тем как те же сочетания с *краткими* плавными оставались без изменения — правильно, то отсюда следует, что и в сочетаниях tort, tert и т. д., обратившихся в torot, teret, плавные были долги». Но любопытно то, что «это необходимое последствие из предложенного выше объяснения второго полногласия вполне согласуется с тем взглядом на свойство плавных в общесл. сочетаниях tort, tert, который высказан Фортунатовым: плавные в этих сочетаниях были долги (с двумя видами долготы)»... (стр. 39—40). Сделавши несколько замечаний о теории Торбиернсона и показав ея несостоятельность (стр. 40—42), Шахматов остается «при прежнем объяснении нашего первого полногласия» и выводит torot, teret, из tort, tert. В праславянских сочетаниях ol, el Шахматов предполагает l̥, что̀ «зависело от общего перехода l, быть может, еще в балтийско-славянскую эпоху, в l̥ перед всеми непалатальными гласными и согласными», при чем telt изменялось в tö¹lt, čelt> čö²lt (буквами ö¹ и ö² Шахматов обозначал закрытое и открытое ö, последнее после смягченных зубных), что̀ основывается на данных западно- и частию южно-словянских языков (польск. żłób, чешск. žlab, польск. członek, в. луж. čłonk, чешск. článek, сербск. чла̑н, ст.-слов. *жладж* и *жлъдж*). Конечно, еще более на то же указывает язык русский формами *жо́лобъ*, *челонъ* (Христинопольск. Апост. XII в., Соболевск. Лекции [4], 24). Русск. *молокò* и кашубск. młoko дают основание предположить изменение в праславянск. el̥ в öl̥ и далее ol̥ (стр. 44) в положении после согласных несмягченных.

Исходя, таким образом, из добытых собственным исследованием и Фортунатовских положений о долготе плавных в сочетаниях tort, tert,

tolt... и о разнице ударений в них в зависимости от разного качества долготы, менявшегося при том в зависимости от качества следующего слога, чем объясняется, напр., ф. род. множ. *волóсъ* при род. ед. *вóлоса* (срв. сербск. род. мн. влâсā при род. ед. влâса), хотя большая часть этих различий стерлась под влиянием аналогии, — Шахматов естественно должен был прийти к заключению о том, что полногласие не должно было развиться, как скоро не было существенного для него условия — долготы плавных, и эти замечательные исключения, совершенно поколебавшие наши обычные взгляды на обязательность первого полногласия в русском яз., Шахматов указывает в главе III-ей: «Сочетания с краткими плавными». Но какие причины могли обусловить появление кратких плавных вместо требуемых праславянскими фонетическими условиями долгих? Эти причины Шахматов находит в выведенных на основании исследования сербско-хорватских ударений *пяти законов сокращения долгих гласных в праславянскую эпоху*. Обращу внимание по крайней мере на 2 из них: закон сокращения конечных открытых гласных и — сокращения долготы перед ударением в слогах, не предшествующих непосредственно ударению (стр. 55). Этим вторым законом объясняет Шахматов формы, которые раньше склонны были объяснять обычным в великорусских говорах позднейшим сокращением неударяемых гласных (см. Соболевск. Лекции по ист. русск. яз. [4], стр. 98): *горностай*, датированное в Ипат. лет. под 1160 г. *борноволóкъ* (слов. branovlȅk) в Шадр. и Тобольск. говорах, *борнова́ть* (владим.), *морзобóй* (арханг.), *морзова́тый* (малорусск., Желеховск.). Эти и некоторые другие примеры (*скорлупà* вместо ожидаемого *скорлупá*) Шахматов объяснял именно сокращением еще в праязыке плавных в слогах *tort*, отделенных от следующего ударяемого слога еще одним неударяемым; таким образом, по его мнению, при форме *борона́* из *born̄á явилась ф. *борноволóкъ* из *bornovolькъ. Если тем не менее в других словянских языках мы не имеем соответствия этого сокращения, то это объясняется влиянием других форм, напр. словенск. branovlȅk под влиянием brána. Тому, что в южно-словянских и чешском яз. почти не сохранилось форм, восходящих к праславянским формам с краткими плавными, мы не должны удивляться, зная, как могущественна уравни-

тельная сила взаимного влияния в языке: так как форм с долгими плавными в праязыке было несравненно больше, то весьма естественно, что присущая им огласовка возобладала над огласовкою форм сократившихся. И мне представляется, что ранняя утрата старых долгих слогов, раннее изменение музыкально-экспираторного ударения в чисто-экспираторное содействовали, еще до средне-русской редукции неударяемых гласных, сохранению и в тех диалектических группах древне-русского языка, которые не участвовали в этом редуцировании, по крайней мере древних сократившихся сочетаний; вот почему подобные сочетания отмечены и в говорах северно-русской и южно-русской полос, чуждых основанному на более поздней редукции аканью. Тем не менее и в русских говорах таких остатков немного. Я могу пополнить указанные Шахматовым еще следующими примерами, взятыми, однако, из акающей полосы говоров, а потому мало убедительными: *калкала́*, *пархаво́й* Курск. губ. Льговск. у., *варжія́* Симб. губ. Карсунск. у. (Матер. для изуч. великор. говоров, VIII, №№ 67 и 76, стр. 201, 229, Сборн. Отдел. русск. яз. и слов. т. 73, 1903); у Кольцова (Акад. изд. 1909 г., стр. 15): «Сплю и вижу все ее платье голубое, страстный взгляд, косы кольцо, лентой *первитое*»...

К этим примерам присоединю еще фамилию *Бордоносъ* (в 1908 г.— начальник Ревельского порта, а в «Живой Старине» 1892 г., IV, 13, сн. 1, 2 напечатана заметка: «Из записки Н. Н. Бордоноса»).

Обратное явление, т. е. форму, восходящую к сочетанию с кратким плавным, в языках южно- и западно-словянских, между тем как русский язык, кроме некоторых диалектических форм (*челэ́к*[1]), представляет правильное полногласие, Шахматов видит в слове чловѣкъ (старосл.), člóvek (словенск.), člověk (чешск.) и т. п. при русск. *человѣ́къ*, отмеченном уже древними памятниками (Изборн. 1073 г.), при чем здесь сокращение происходило по закону сокращения двух рядом стоящих долгих гласных (сербск. *ру̀кама*).

В главе IV-ой сочинения «О полногласии»... Шахматов говорит о

---

[1] Шахматов (стр. 60) считает эту форму «едва ли не общевеликорусской» и выводит из *čelvѣkъ с кратким *l*, при чем сочетание łe (= лэ) можно объяснить только велярностью *l* перед *v*: łu̯ě > łu̯e > łe.

«замене долгих плавных слоговыми и третьем полногласии». По его мнению (стр. 63), в русском языке «гласный элемент долгой плавной был настолько силен, что следствием необходимости сократить ее был переход плавной не в согласную, а в сонант, в слоговую плавную», а это имело следствием «редукцию предш. гласной» и «таким образом, на месте or̄, ol̄, er̄, ъr̄, ъl̄, ьr̄ являлись в общерусском языке, под влиянием or, ol, er, ъr, ъl, ьr в родственных образованиях, — ᾰr̥, ᾰl̥, при чём ᾰ заменяло безразлично все гласные перед плавными, т. е. e, o, ъ, ь». По «в силу общего закона... слоговые плавные переходили в русском яз. в плавные неслоговые» (стр. 67), а потому «на месте ᾰr̥, ᾰl̥ явились в общерусск. яз. ᾰr, ᾰl»... Далее (стр. 69) Шахматов говорит о переходе этого редуцированного, хотя и отличного от ъ, ь, гласного ᾰ в различные гласные, подобные гласным следующего слога, а именно, напр., в *а* в: *ва́рзать* «есть, хлебать» (срв. чешск. vrzati «скрипеть, трещать»); *гаркать* «сильно кричать» (словенск. gŕkati); *ка́рзать* «обрубать ветки» (Петроз., Вытег., Каргоп. и др.) при *ко́рзать* (Каргоп.), срв. слов. kŕzati, сербск. кр̏зати; *па́рхать* «тлеть» (Вятск.), срв. словенск. pŕh, pŕhavica («горячая зола»); *са́ркати* «фыркать» (малор.), белор. *са́ркаць*, польск. sarkać, чешск. skrati, сербск. *сркати*...; *ха́ркать* (великор.), *ха́ркати* (малор.), польск. charkać, чешск. chrkati, сербск. хр̏кати се «ссориться», словенск. hŕkati... и некот. друг. (Шахматов, § 4, стр. 69—72).

Изменение ᾰ в *у* перед слогом с *у* Шахматов предполагает в: *бу́ркнуть, бу́ркнути, бу́ркнуць* (великор., малор., белор.) в знач. «кинуть», которое сравнив. с волог. *бо́ркать, бо́ркнуть* «колотить, толкнуть», и словенск. bŕkati «толкать», сербск. бр̏кати; *гуркнуть* (срв. *га́ркать*); *ку́ркнуть* (срв. *каркать*); пу́рхнути (малор. «порхнуть, убежать», срв. великор. и малор. *порхну́ть, вспо́рхати вспо́рхнути*, слов. pŕhati, pŕhniti, чешск. prchati, prchnouti, польск. pierzchać, pierzchnąć... и некот. друг (§ 5, стр. 72).

Изменение в *ыр* он также находит в ряде примеров, подобных *кы́ркнуть* (срв. чешск. krkati, сербск. кр̏кнути, слов. kŕkniti), *мы́ркнуть*, малор. *ми́ркнути* «проворчать» (срв. малор. *мо́ркнути*, словенск. mŕkniti «пробормотать»), *пы́ркнуть* (белор.), *пы́рснуть*

(великор.), *пы́рскнуць* (белор.) (срв. чешск. prskati, белор. *по́рскаць*, великор. *порска́ть* и *по́рскать*) и некот. друг. (Шахматов § 6, стр. 73—74).

Кроме того Шахматов (§§ 10—16, стр. 77—83) предполагает в ряде примеров выпадение αr, αł и замену их гласными чистыми *а*, *у*, *ы*, *о*, *е*: *вага́нить*, напр., отмеченное в Волог. губ. в значении «баловать, шутить, играть», он сопоставляет с волог. *варга́нить* «кипеть» и возводит к корню *vь̯r̥g-, что в чешск. vrhnouti «бросить», сербск. вр̏гнути; великор. *окуну́ться* сравнивает с заонежск. *окурну́ться* «погрузиться»; *вузды́рять* и *воздыря́ть* «хлебать» (в разных великор. говорах) он относит к тому же корню, что и *ворзыря́ть*, вытег. *ворзыха́ть*; пермск. *насмо́ка* сравнивает с курмышск. *насмо́рка*; *томоши́ться* «суетиться» срв. с *тормоши́ть*: *темя́шить* «бить, колотить» — с малор. *товкма́чити* и т. п.

Заменой сочетаний αr, αł, явившихся результатом сокращения сочетаний ьr̄, ъł̄, or̄, oł̄ и т. д., сочетаниями αr̄, αł̄ с r̄, ł̄, заимствованными из продолжавших свое существование сочетаний ьr̄, ъł̄, or̄, oł̄ и т. д. (§ 20 и след.), Шахматов объясняет ряд форм с *ара*, *еря*, *уру*, *улу*, *оры*, *олы* и т. д. на месте αr̄, αł̄, αr̄ⁱ, которые он считает возможным назвать «третьим полногласием» (§ 22, стр. 87). Так как сочетания с долгими плавными были известны под двумя видами ударения, — восходящим и нисходящим, то произошло различие и в изменении αr̄, αł̄, αr̄ⁱ под ударением: под восходящим удар. явились *ара́*, *ала́*, *еря́*, под нисходящим же «являлось, повидимому, *о́ры о́лы*»... (§ 23, стр. 88), чем и объясняет Шахматов, с одной стороны, *бара́бать* «рыть» (вятск., казанск. и др.) при слов. br̂bati «рыть», *бала́бола* «болтун» (при олон. *балабо́ла*) при чешск. blaboliti и русск. ф. первого полногласия *боло́бонъ* «пустомеля», *бала́кать*, — ти (великор., белор. и малор.) при диалектических *бо́лкнуть* «сказать» (княгин.), *бо́вкнути* (малорусск.) и польск. bełkać, bełknąć, чешск. blknouti, *бара́хтаться* (великор.), восходящее к *borhъtati, в котором *borhъ «может быть аористическою формой от *borti (бороть)», также *мара́косить* «мелькать в потемках» (срв. *мере́кать*, *мерещиться*, чешск. mrkotati) и друг. (§ 24, стр. 89—93), также *деря́бнуть*, *деря́бка* «озорница», *заме-*

ря́чить, *мере́кать*, *черя́пнуть* «ударить» и мн. др. (§ 25, стр. 93—94), — с другой стороны, **бо́рышно*, откуда малор. *боришённый* (при *бо́рошно*, *борошённый* «мучной»), *по́лымя* (в окающих великор. говорах Владим., Великоуст.), *по́лымё* (пошех.), **го́лымя*, откуда *голымя́* «открытое море» (Арханг., Даль). *шо́лымя* «возвышенная середина гумна» Арх. при ф. *шо́ломя* «горка, пригорок»...), *мо́лынья* (ставроп.-самар.) с ударением форм вин. и дат. пад. при *молынья́* (§ 23, стр. 88, срв. § 34 об изменении перед выпавшими ъ и ь) и арханг. *мала́нья* «молния», белор. *мала́нка*, воронежск. *мала́шка* (срв. также **молалья** в Паис. сборнике нач. XV в.), а также Устюж. Новгор. *меленья́*...

Конечно, нам нет возможности и надобности здесь проверить и проанализировать весь обширный диалектический материал, приводимый Шахматовым в качестве примеров различных видов третьего полногласия (стр. 88—117). Достаточно указать, что путем остроумной гипотезы Шахматова мы получаем объяснение многочисленных, известных в разных русских говорах слов, казавшихся совершенно темными по происхождению и даже производивших впечатление или звукоподражательных, или чего-то заимствованного из языков финских или тюркских. Казалось, напр., подозрительным словянское происхождение слов *шва́ркать*, *шума́ркать*, *шаба́ркаться*, *копы́рзиться*, *кувы́рдать* («бросать палку»), *вазга́нить* («пачкать»), *вага́нить*, *пазга́ть* («гореть сильным пламенем с треском»), *бара́бать* («рыть»), *бара́хтаться*, *бутара́жить* и *будара́жить*, *кара́бкаться* и других, объясненных Шахматовым в §§ 4—47 его исследования «о полногласии и некоторых других явлениях».

В главе V-ой Шахматов дает некоторые «дополнения и исправления к предыдущему исследованию». Здесь прежде всего нужно отметить, что он подтверждает свое высказанное и в начале исследования, расходящееся с мнением Фортунатова, предположение, что в сочетаниях tort, tolt, tert, telt в праязыке словянском плавные были долгими *неслоговыми*, слоговыми же становились лишь в эпоху прарусскую: между тем как Фортунатов принимал еще для праславянской эпохи tor̄t, tol̄t, ter̄t, т. е. сочетания с долгими слоговыми плавными, Шахматов предполагал,

что праслов. tor̄t, ter̄t и т. д. лишь в прарусскую эпоху развивали слоговые плавные, а именно tor̄t, по его мнению, изменялось в torr̥t, т. е. долгий плавный распадался на плавный неслоговой + плавный слоговой, который и изменился в *o*, «ассимилируясь в своем гласном элементе предшествующему *o*» (гл. II, стр. 45, гл. V, стр. 119—120), ter̄t > > terr̥t > teret... Без изменения оставались в прарусском яз. те праславянские сочетания or, ol, er, которые были получены в праслов. эпоху из сокращения or̄, ol̄, er̄: праслов. gornostajь, čelvь̑kъ, skorlupà > прарусск. gornostajь, čelvь̑kъ, также предполагает Шахматов общерусск. pólťьskъ, откуда летописное *Полтескъ* в Лавр. и Ипат., при ф. род. ед. Połotьska > *Полотьска* > *Полоцка*, при Połočane из *Połčáne.

Выпадение r, l после α (tαrt > tαt) Шахматов допускает подобно выпадению r, l в trt, tlt из trьt, tlьt: *кстити*, *Исковъ* и нѣкот. друг. Этим объясняются такие примеры, как упомянутые выше *нáсмока*, *томúти́ться* и др. (стр. 81 и 125). Для облегчения обзора представленных в IV-ой главе примеров Шахматов приводит их в систематическом порядке и с дополнениями на стр. 126—137. В главе VI Шахматов разбирает сочетания rь, rъ, lь, lъ. В этих сочетаниях Шахматов различает в праязыке словянском «*слабые* или полукраткие ъ, ь»... от «*сильных* или кратких ъ, ь». Последние получались «при условии нахождения в следующем слоге таких ъ, ь, которые подлежали выпадению или отпадению» (139). Справедливо отмечает Шахматов различие современных южнословянских языков от старословянского: в первых замена ъ, ь гласными полн. образования после *r* и *l* допустима лишь в положении r и l в начале слова (сербск. рâж, лâв, лâж и т. п., болг. *лев*, *лен*, *леко*, словенск. rež, lahek, lâž и lež...), в старословянском же языке в памятниках, знающих вообще замену сильных ъ и ь буквами *o* и *e*, имеем не только **лесть**, **легъко**, **прилепъшеи**, но и **въскресъ**, **брение** (Мар. Ев.), **крештьшесѧ** (Зограф.) и другие известные славистам примеры, также слезъ, кровь, плоть и друг. (Синайск. Псалт.). Шахматов справедливо объясняет отсутствие последних и подобных им форм в южнословянских яз. вытеснением сочетаний *r*, *l* + + сильн. ъ/ь слоговыми *r*, *l*, заимствованными из родственных образо-

ваний, при чём подобное вытеснение встречается изредка и в начале слов: вместо обычного ра̂ж отмечено черногорск. р̂ж, также р̂т (<ръть, срв. русск. *ротъ*), слов. r̂ž, ȑt. Напротив, в западно-словянских языках сильные *ъ*, *ь* заменены гласными *е* в чешском и польском языках, *о* и *е* в лужицких, при чём слоговые плавные вообще невозможны ни в польском, ни в лужицких языках и в положении перед слабыми ъ/ь, но обычны в последнем положении в чешском и словацком и проникают по аналогии иногда, особенно в словацком, и в положение перед старыми сильными ъ/ь: чешск. krt под вл. krta, словацк. trst' при чешск. trest', třest', krst при чешск. křest... Рассмотрение данных западно-словянских языков в их истории по памятникам, указывающим написания *ir*, *il* вместо древних *rъ*, *lъ*, *rь*, *lь*, приводит Шахматова к выводу, что в них «общесл. rъ, rь, łъ, lь отразились вообще двояко»: с одной стороны, после исчезновения ъ/ь появились согласные *r*, *l*, с другой стороны они были заменены слоговыми *r*, *l*, что̀, по мнению нашего ученого лингвиста, указывает на «двоякое произношение рассматриваемых групп еще в общеславянскую эпоху» (стр. 149): рядом с *rъ*, *rь*, *łъ*, *lь* с слабыми ъ/ь в одних говорах были известны ṛъ̯, ṛь̯ и проч. в других.

Южнословянские языки, напротив, отразили только те говоры, которые знали только произношение исследуемых сочетаний с слоговыми плавными, при чем уже старословянские памятники отмечают начало этого процесса. На стр. 155—178 Шахматов подвергает подробному анализу разбираемые сочетания в русском языке, считаясь с данными древних памятников и диалектологии. Он исходит из того положения, что «в общерусском языке ṛъ̯, ł̣ъ̯ и т. д. сохранялись без изменения», подвергаясь различным изменениям в зависимости от положения в слове лишь после распадения на отдельные наречия. Важно обратить внимание на тот вывод Шахматова, что формы с *е*, *о* на месте слабых *ь*, *ъ* он склонен считать нормальным фонетическим явлением в северно-русском и частию средне-русском и даже южно-русском наречиях: tṛъ̯t>trъt>>trot и т. п., т. е. формы дрова́, дрожать, глота́ть, кроши́ть, гремѣ́ть, слеза́ (в сев.-русск.), краши́ть, кро́шить (в ю.-в.-русск. Тульск. губ.) и даже *трева́ти*, *дро́ва* и *дрова́*, гремі́ти в малорусск., прагла*ци*ла, *дражи́*ць в белорусск. (при формах *трива́ти*, дрижа́ти,

праглыцйўши, трысци́нка и др.) он объясняет не влиянием сочетаний *ро*, *ре*, *ло*, *ле*, из *ръ*, *рь*... с слоговыми и сильными *ъ*, *ь*, затрудняясь подыскать причины вставки *е* в *древить*, *тревога*, *трезвонъ*, даже *гремѣть*, хотя для последнего можно бы было указать на родственное *громъ*, а фонетическим процессом, как общим явлением в северно-русском и восточной половине средне-русских говоров и диалектическом в малорусском и белорусском (стр. 156—158). Интересно объяснение малорусских крівяний, *дріжа́ти* «непосредственным соприкосновением *р* и послед. мягк. согласн., смягчивш. это *р*» (158), как одним из доказательств рядом с угрорусскими *керви́*, *гырмі́ти* в пользу сохранения в большей части средне-русских и южно-русских говоров ṛъ̯, ṛь̯, ł̣ъ̯, ḷь̯. Приводя обильный материал примеров, Шахматов (163) попутно объясняет великор. и малор. *горта́нь* из *гръ̑тань*, *гръ̑тань* (срв. польск. krtań, krztań, чешск. křtán) благодаря изменению в gъ̯ṛtanь под влиянием слов gъ̯ṛło, gъ̯ṛtь. Удивительно, как после этого объяснения и вполне ясных, не допускающих сомнения, данных, приведенных в Лекциях по истории русского яз. А. И. Соболевского на стр. 55 и 90 (грытань в Зап.-русск. Четье 1489 г., гратань в Лествице XII в.), Бернекер в своем Slav. Etym. W. 369 продолжает ставить *gъrtanь* (не *grъ*tanь) в одной группе с gъrdlo и относит к индоевроп. корню gu̯er.

На стр. 165—166 Шахматов отмечает «консонантическое произношение плавных, за которыми выпали глухие»: великор. *Псковъ*, *кстить*, *кстины*, белор. *ксциць*, *трваць*, *дрва*, малор. *крстити*, *хрстити*, *водоршчи*, *кстити* (в говорах галицких лемков и восточно-угорских), *кравими* (буков.) вм. *кръвавими*..., при чём такое же, часто опускаемое, консонантическое *р* отмечено и в памятниках с XIV в. и даже в некоторых примерах XII в.: **хрщю**, **хр̓щенья**, **хр̓щѧєши** в Галицк. ев. 1144 г., *крви* и *кви*, **воскьснеть** Полик. ев. 1307 г., **кьлнетсѧ** Луцк. ев. 1409, *трва*е^т Западнор. псалт. XVII в. (Карский), **антихьста** в Ком. сп. XV в. Новгор. 1-й летоп. Во многих, особенно в редких великорусских примерах (*Псковъ*, *кстить*), мы имеем выпадение согласных плавных. Допуская, что в некоторых словах можно видеть полонизмы (сравн. польск. drwa, drwić, krwawy), Шахматов, в виду невозможности объяснить *Псковъ* из *Пльсковъ* ни польским

влиянием, ни вытеснением слогового *l* неслоговым по аналогии, указывая на ограниченность области консонантических *р*, *л* в пределах малорусского и белорусского наречий, считает вероятным, что «произношение *кстити* из *крьстити* с неслог. *р* перешло на север из южной Руси вместе с христианством, а *Псковъ* заменило новгородскую ф. *Плесковъ* вместе с... движением белоруссов к северу»... Не вижу, однако, твердого основания в пользу отрицания возможности существования не только в составе древних южно-русских и западно-русских говоров, но и тех средне-русских и северно русских, которые вошли в состав великорусского наречия, таких, в которых известно было произношение trъt, trъt, tlъt с слабыми ъ и ъ после неслоговых плавных.

Далее Шахматов рассматривает сочетания со слоговыми плавными после согласных в середине слова (167), в конце (169) и в начале слова (170—177).

Переходом начальных r̥, l̥ перед согласными в сочетания «гласн.+ + r, l», происшедшим «на почве отдельных русских наречий», Шахматов объясняет многочисленные диалектические, в отдельных примерах вошедшие в состав и общерусского языка, формы, каковы *аржано́й* и *оржано́й*, *альняно́й* и *ольняно́й*, *ольго́та*, *вольго́та*, *ильго́та*, *ильстецъ* (Холмог. и Тотем.) в северно-великорусском наречии, *аржано́й*, *алляно́й*, *ильна́*, *ижа́*, *ирва́ть*, *ильсте́цъ*, *илба* и др. в южновеликорусском наречии, *аржаны́й*, *аржа́ный*, *аржа́*, *ижа́*, *ирва́ць* и друг. в белорусск., *орту́ть*, *ижа́*, *арджа*, *ирза́ти*, *и́льва* (=львица, Желеховск.), *Ильвов*, *Ирша* (приток Тетерева), *Ольто*, *Альта* (приток Трубежа) в малорусском.

Из собственных географических имен, частию вошедших в общее употребление, отметим *Орша* (< древн. Ръша) в Могил. губ., *Оржица* (приток Сулы), *Ирпень* (приток Днепра, ср. *Рпень* в сп. «градомъ рускымъ» (по Новгор. 4-й лет.), *Альта*...

Попутно Шахматов дает интересные этимологические объяснения весьма известных, как *арта́читься* (**рът-*), и менее известных, как *ирни́вый* (**рьвьнив-* под влиян. рьвьнье > рвенье), *рнясь* («сердясь»), великорусских слов (стр. 173—174).

В главе VII-ой Шахматов объясняет ф. великорусск. *за́втря*, малор.

за́втрэ из древне-русск. ꙁаоутриѥ, далее северно-русск. *re*, *ѣe* из ṛъ̯, ḷъ̯ в таких формах именит. ед., как въда*ле*, има*ле*..., ко*ле*, дво*ре*..., *Петре* и т. п. (184—185).

В главе VIII-ой «слоговые n и m в русском языке» указаны формы северно-великор. *омшани́к*, южно-великор. *амшани́к*, *амшы́ть*, *амхаво́й*, *имши́ть* и т. п., белор. *амше́нникъ*, *амша́ра*, *амгла́*, малорусск. *омшани́к*, *омши́ти*, *омша́рина*, *имшени́к*, *имгла́*, *имла́*, *имжа́ти* и др. (стр. 186—187), при чём *не* в ночи*не*, сме*не*, написа*не* древне-русских памятниках (новгородских, двинских) объясняется из ṇъ̯ с ударением на слоговом *n*.

В IX-ой главе «сочетания vъ, vь в русском яз.». Рассмотрев диалектические явления сербского и болгарского языков, свидетельствующие о слоговом произношении в них звука *v* (сербск. *ца̀втим*, *оса̀внути*, болг. *цъвти*, *съвне*, *дъври*...), справедливо отрицая переход согласного *v* в u в южно-словянских языках и признавая лишь переход $\substack{\text{vъ}\\\text{vь}}$ > u и предполагая в этих сочетаниях сонантич. w, за которым следовали неслоговые *ъ*, *ь*, Шахматов приходит к заключению о сонантическом произношении *v* в «общеславянскую эпоху». Переходя к русскому языку, Шахматов предполагает, что русский яз. составился из тех говоров праславянского языка, которые произносили v билабиально на основании произношения w и перехода vъ > u во многих южно-великорусских, белорусских, малорусских и некоторых северно-великорусских говорах. Существованием в прарусском яз. сочетаний wъ̯ Шахматов объясняет, с одной стороны, обычное в говорах *у* вместо *в*, отмеченое и древними памятниками, с другой стороны, сочетания *ов*, *ав* (*овторникъ*, *авторникъ*, ю.-в.-русск. *авторникъ*, *авчера*, белорусск. *аўто́рак*, малор. *вівто́рок* (стр. 191—202).

Под конец, в главе X-ой, Шахматов рассматривает изменение праславянских сочетаний jĭ, i̯ĭ в зависимости от различного положения в слове (202—209), объясняя отпадением jь в начале чешск. hra, jméno, máti, польск. gra, miano, малорусск. *гра́ти*, *голка*, *мати*...

На стр. 209 — 212 Шахматов дает итоги исследования в гл. VI—X.

Через 12 лет после сочинения «К истории звуков русского языка»

Шахматов представил обширный лингвистический труд в 11 выпуске «Энциклопедии Славянской филологии», в котором ему пришлось вновь пересмотреть вопросы, разобранные в указанном выше сочинении, а именно: «Очерк древнейшего периода истории русского языка» (Петроград, 1915). Как увидим, наш неутомимый исследователь в последнем, обнимающем L + 368 страниц, сочинении совершенно не упоминает высказанных ранее гипотез, даже не ссылаясь на прежние свои сочинения и не выставляя на вид прежних своих взглядов. Но это характерная особенность научной деятельности Шахматова — частая перемена взглядов, объясняющаяся постоянно напряженною пытливостью ума, заставляющего пересматривать неоднократно один и тот же вопрос. Нам приходится считаться с нею и в работах Алексея Александровича о расселении словянства из словянской прародины и о значении древне-русских (восточно-словянских) племен в истории образования русских наречий и русских народностей.

Но предварительно скажем еще слова два о чисто лингвистической статье Шахматова, помещенной в юбилейном XXV томе «Archiv für slavische Philologie» Ягича (1903 г.), стр. 222—238, посвященной весьма важному вопросу истории звуков малорусского языка: «Wie im Kleinrussischen die Palatalisation der Consonanten vor *e* und *i* verloren ging».

Отрицая предположенный Потебнею переход гласных *e* и *i* в «небо-гортанные», который Шахматов принимал сам в главе 9 своих «Исследований в области русской фонетики» (стр. 98—100), как причину отвердения согласных перед гласными *e* и *i* в малорусском языке, наш лингвист теперь ищет причины утраты палатализации согласных перед *e*, *i* в тех явлениях палатализации и лабиализации согласных перед следующими гласными кроме гласного *a*, которые выдвигает Шахматов как одну из характернейших особенностей обще-русской фонетики почти во всех своих трудах. Эта особенность вызвала в южно-русском наречии переходные звуки между согласными и следующими гласными, звуковая окраска которых обусловливала звуковую окраску переходных звуков. Таким образом, перед гласными *e* и *i* развивалось неслог. *i̯*, перед гласными *o* и *u* неслогов. *u̯*, при чем рядом с *e* Шахматов предполагает

в прарусском яз. звуки ö, ä, e^i: ṕiv^{u}o, ńiv^{u}a, v́esna, ḿöd^{u}u, d́e^{i}ń, b^{u}o^{i}b^{u}a > ṕi̯i^{2}u̯o^2, ńi̯i^{2}v^{u}a, v́i̯äsna, ḿi̯ädu̯u^2, d́i̯äń, bu̯o^{2}b^{u}u. После стяжения i̯i^2, i̯ä в i^2, ä, т. е. в открытые гласные, перед этими гласными согласные стали произноситься без палатализации: таким образом, получились pi^{2}vo^2, väsna, mödu^2, däń, bo^{2}b^{u}a... с твердыми согласными p, v, m, d... перед исконными *i*, *e*...

Таким образом, в статье 1903 г. Шахматов, в отличие от своего прежнего, за 10 лет перед тем высказанного мнения, в объяснении малорусского отвердения согласных перед гласными передне-небными исходит из небности этих самых согласных в данном положении, как источника изменения, уже после выделения из этих согласных небного элемента в виде переходного неслогового гласного, следовавших за ними небных гласных в более открытые (может быть, средне-небные?), перед которыми после слияния с ними переходного от согласных к этим гласным i̯ согласные уже не смягчались. Высказав свое объяснение интересующего нас явления, Шахматов старается в той же статье подтвердить свою гипотезу аналогичными явлениями в некоторых северно-малорусских говорах (ti̯a > t́a в корницком говоре), а также некоторых польских (t^uö > tu̯o > to, tō > tuo), стр. 227—230. Изменение долгих *e* и *o* в дифтонги и далее в украинские ї, *і* рассмотрено Шахматовым параллельно: переходные звуки i̯, u̯ удлинялись, изменяясь в i, u, следующий же гласный сокращался, вследствие чего вместо i̯ē, u̯ō, i̯ō выступали дифтонги ie, uo, iö... (227). История прарусских ky, gy, χy в малорусском дает нашему ученому также некоторое освещение интересующих нас вопросов. Исходя из лабиализированного произношения у в прарусском яз., Шахматов утратой лабиализации, на которую указывают некоторые явления белорусских говоров, после распадения общерусского праязыка объясняет изменение «гортанных» (Gutturale) k, g (γ), χ перед древним *y*, с утратою и последним его задненебного («Gutturale») произношения, в палатальные k, g (γ), χ, что и обнаруживается уже в южно-русских памятниках XII века написаниями *ки* вм. *кы*; далее ḱi ǵi (γ́i)... перешли в ki^2, γi^2, χi^2 подобно переходу t́i, ńi в ti^2, ni^2... (232). Хронологию утраты палатализации согласных перед *e*, *i* в малорусском Шахматов определяет временем после изменения

звуковой группы «согласн. + *ьj* + гласн. в группу «двойной или долгий мягкий согласн. + гласный» (233—236). В конце статьи Шахматов указывает сходные явления полабского языка (мягкие согласные отвердели перед *e*, *i*, *ѣ*, *ę*, *ъ*...).

(Окончание следует).

Б. Ляпунов.

Памяти академика А. А. Шахматова.

(Окончание[1]).

Обширный лингвистический труд Шахматова, его «Очерк др. п. ист. р. яз.», представляет результат его многочисленных исследований по истории звуков русского и других словянских языков в течение многих лет, и естественно, что здесь мы найдем частию уже знакомые нам мнения Шахматова о звуковых изменениях в эпохи праславянскую («обще...) и прарусскую («общерусскую»), развитые им в предшествующих монографиях.

Будучи подготовлен предшествующими исследованиями и тесно связан с многочисленными монографиями конца XIX (с 1886 г.) и начала XX столетий, академический «Очерк», однако, дает нечто новое как в смысле полноты вновь накопившегося материала, так и в смысле нового освещения этого материала и перемены взглядов на некоторые основные вопросы. Пока я опускаю все довольно многочисленные статьи и исследования Шахматова по лингвистической этнологии, выводы которых отразились не только на «введении» (I — L стр.), приложенном к «Очерку» в том же 11 выпуске «Энциклопедии слав. филологии» (1915 г.), издававшейся Росс. Акад. Наук, но и на расположении материала в самом «Очерке», так как я намерен эти статьи о происхождении и истории русских наречий, особенно ярко отразивших постоянную пытливость ума нашего ученого, заставлявшую его столь часто менять свои взгляды, вызывая недоумение в учениках и читателях, рассмотреть особо после чисто-лингвистических трудов в известной хронологической последовательности.

---

[1] См. ИОРЯС XXVIII, стр. 214.

Представим краткое содержание «Очерка». Прежде всего отметим, что он распадается на 6 отделов. Отдел I. «Звуковой состав общеславянского праязыка», стр. 1—98, §§ 1—176 (главы I—IV). Отд. II. «Явления, имевшие место в эпоху единства южных и восточных славянских языков», стр. 99—108 (§§ 177—188). Отд. III. «Явления общерусского праязыка», стр. 108—160 (§§ 189—263). Отд. IV. «Звуковой состав древнерусского языка», стр. 160—200 (§§ 264—334, гл. I—VII). Отд. V. «Падение глухих и других полукратких гласных», стр. 200—286 (§§ 335—437, главы I—IX). Отд. VI. «Древнерусские наречия», стр. 287—354 (§§ 438—528, гл. I—V). Под конец автор указывает важнейшие труды по изучению русского языка, транскрипцию звуков, согласно предложенной О. Броком в «Физиологии славянской речи», указатель встречающихся слов, дополнения и опечатки (стр. 355—369).

Отметим, что «общесл. *о*» определяется Шахматовым как *å*... на основании передачи *о* через *а* в словах, перешедших из словянского языка в греческий. Кроме унаследованных от праязыка балт.-словянского широкого краткого *о* Шахматов отмечает образовавшееся еще до разделения общесловянского праязыка в нем *ô* (полудолгое) из первоначального *ŏ* в положении перед слогом с иррациональным гласным (напр., в словах *родъ, богъ, возъ, солъ*, стр. 2—3). Подобно полудолгому закрытому *ô* Шахматов допускает в прасловянском рядом с *е* и *ê*, т. е. «закрытое (узкое, напряженное) *е*», удлинявшееся «до полудолготы» в положении перед слогом с «полукраткою гласною» (ъ̆, ь̆, ĭ), § 10 (стр. 5—6). Важен сделанный Шахматовым вывод, что полудолгое *ê* изменялось фонетически в *ê* долгое, откуда *іе*, в прамалорусскую эпоху не только перед слогом с выпавшим ь̆, но и перед слогом с выпавшим ъ̆, на основании форм mě̆d, pě̆c в верхнелужицком языке и диалектических великорусского *м'ел* (вместо *мёл*) в Рязанск. и Задонск., северомалорусск. и белорусск. *міед* (стр. 6).

Предположение двух моментов — полудолготы и позднее долготы гласных *о*, *е* в указанных положениях Шахматов делает на основании различия прарусских *о*, *е* в *попъ, родъ, медъ, печь*, с одной стороны, и в *морозъ, берегъ*, с другой, в истории малорусского языка, в котором

первые изменились в *пуоп* > *піп*, *руод* > *рід*, *пєч* > *піч*, вторые же остались с неизменными *о*, *е*, следовательно *о*, *е* в первой категории слов отличались от *о*, *е* во второй категории (со специально русским *о*, *е*) большим количеством, и на основании данных сербского и словенского языков, имеющих кратк. *о* в рȏр, кȏњ, кȍnj, а также польск. и чешск. рор и т. п. примеров с краткими *о* в польском и чешском, позволяющих заключать лишь о полудолготе *о*, *е* в рассматриваемых положениях.

В § 7 (стр. 4) Шахматов определяет прасловянск. *у* гласным среднего ряда «нелабиализованным», имея в виду, как он говорит, переход его в гласн. переднего ряда *і* во многих словянских языках и совпадение с *і* в большей части малорусских говоров, несмотря на то, что сам же отмечает, с одной стороны, исходный пункт словянского *у* в индоевропейском праязыке как гласный ū, следовательно, лабиализованный, с другой стороны, — последующие изменения *у* в гласные заднего ряда в угрорусских, местами с лабиализацией, и в гласный ы в белорусских говорах (*вóйти* вм. *вы́йти*, замішанск. *мȍш* вм. *мыш*, белор.-мозырск. *сун* вм. *сын*) и даже в дифтонги оі или ці в карпаторусском по Вагилевичу. Не проще ли было бы объяснять последние факты исконною лабиализованной артикуляцией прасловянского *у*, чем прибегать к предположению о лабиализации предшествующих ему согласных, как причины указанных диалектических изменений?... И не объясняется ли переход *у* > *і*, с одной стороны, диалектич. изменение *у* > *о*, ы, с другой, между прочим и общевеликорусск. *о* из *у* в *мóю*, *крóю*, *простóй*, древним прасловянским и прарусским дифтонгическим произношением *у*, как u̯i̯, предположенным А. И. Томсоном? Ведь дифтонг u̯i̯ есть естественный переход от праязычного ū к новому великорусско-польскому *у* и еще более новым сербско-словенскому *і*, чешскому *у* = *і* и т. п., и заимствованное из древнерусского языка литовское mu̯ilas довольно ясно свидетельствует о дифтонгичности *у* (ы) в эпоху по крайней мере общерусского единства. Возражения, сделанные проф. С. М. Кульбакиным, против мнения о прарусской и прасловянской дифтонгичности *у* (Збірник памяти К. Михальчука, Київ, 1915, стр. 46 — 53), меня не убедили, так как свидетельствуют лишь о возможности иного

толкования приводимых Томсоном и мною фактов, чем предложенное нами, отнюдь же не обязывают отказаться от весьма вероятного предположения о дифтонгичности прасловянского и прарусского *y* (ст.-слов. ъі).

В § 11 (стр. 6—8) Шахматов говорит о гласном переднего ряда нижн. образован. *ä* и именно ā̆ (долгом), который заменял под влиянием грамматической аналогии первоначальн. ē (напр., в прилагательных ležā̆nъ̆, soľmā̆nъ̆, ďervā̆nъ̆ вместо — ēnъ̆... под влиянием — ānъ̆ в kožānъ̆ и т. п., в формах имперфекта — ā̆aχъ̆, вм. -ēaχъ̆ под влиянием — āaχъ̆, напр., ńesā̆aχъ̆ вм. ńesēaχъ̆ под влиянием nošā̆aχъ̆), сравн. выше указанный этюд в VI томе «Известий Отд. русск. яз и сл.» из серии этюдов под общим заглавием «К истории звуков русск. языка».

Вслед за Ф. Ф. Фортунатовым, Шахматов признает для праязыка словянского гласн. передн. ряда лабиализованн. среднего образования ö в полож. после смягчен. согласных в конце слов и перед тверд. согласными (jömu, ž̊öna и т. п.) на основании общеизвестных фактов языков старословянского, сербского и чешского в сочетаниях «согласн. + гласн. + плавн. + согласн.», а именно жлдж, чл̂ан, žlab, при чём в пользу того же изменения Шахматов ссылается и на согласие русского, польского и лужицких языков в формах žona, pč̊oła и т. п.

В §§ 14 и 15 (стр. 10—12) говорится об изменении в общеслов. праязыке монофтонгов ē и ō (из более древн. дифтонга oi̯) в дифтонги i͡e и u͡o, позднее совпавшие в одном, впрочем различавшемся как ê̈ä (?) в положении перед твердыми и i͡e перед мягкими согласными и в конце слова. Эти оттенки Шахматов обозначает буквами ѣ и ѣ̂: дифтонг более широкий (ѣ) предполагается в словах sѣno, mѣga и т. п., более узкий — в gѣ̂čь, vodѣ̂... В пользу последнего по Шахматову свидетельствует и прасловянский переход ѣ > i в конце слова «при известных условиях» (т. е. в положении без ударения или под нисходящим ударением).

В числе «носовых гласных» общесловянского праязыка Шахматов принимает кроме общепринятых в науке ǫ и ę также вслед за Фортунатовым и ę̆ (т. е. назалированный дифтонг ie). Этот последний являлся «в нескольких грамматических окончаниях в положении после *j* и смягченных согласных, восходя непосредственно к *ȫns* из *ons*», а именно: в оконч. род. ед. женск. рода *voľę̆, ср. старосл. волѧ, древнерусск.

волѣ, украинск. *волі*; в оконч. им.-вин. мн. женск. рода *dušę̀, ср. ст.-сл. **доушѧ**, др.русск. *душѣ*, укр. *душі*; в оконч. вин. мн. муж. рода *końę̀, ст.-слов. **коня**, др.-русск. *конѣ*, укр. *коні*. Шахматов (§ 21, стр. 13) замечает, что «впервые А. И. Соболевский доказал существование в общерусском праязыке окончания *ѣ* в указанных грамматических формах» (Шахматов указывает его известный всякому слависту, как монументальный по важности выдвинутых морфологических вопросов, труд, «Исследования в области русской граммат.», 1881).

Если в § 22 (стр. 14—15) Шахматов определяет звук *ъ*, как гласный редуцированный среднего ряда средн. образования *нелабиализованный*, то мы позволим себе сделать здесь то же возражение, что и относительно *у* (*ы*): я не вижу ни малейшего основания считать утрату лабиализации редуцированного звука *ъ* (из балтийско-словянского *ŭ*) явлением «общесловянским», и если, в виду показаний языков чешского, польского и лужицких, на которые ссылается Шахматов, а также серб-ского, словенского, и можно предположить диалектическую утрату лабиализации, объясняющую звуки *е* < *ъ* в чешском, польском, сербско-словенском (позднее в последнем *а* < *ѣ*), то гораздо естественнее звуки *о* < *ъ* в русском, словацком, старословянских и лужицких говорах объяснять из сохранявшего праязычную лабиализацию редуцированного гласного, чем прибегать к предположению о новой лабиализации под влиянием предшествовавших лабиализованных согласных.

Справедливо Шахматов говорит о лабиализованном *ъ*, являвшемся вследствие диссимиляции при тех же условиях, что и *ö* < *е*, т. е. в положении после *j* и смягчённых согласных не перед слогом с передненебным гласным (§ 26, стр. 17—18). В пользу лабиализации *ъ* > *ŭ* в общеслов. праязыке Шахматов приводит не только соответствие ему в русском языке звука *о* (*наём*, *почот*, *шол*, *чол*...), но и сохранение звука *ѫ* в суффиксе *-ъж-* после согласных *ж*, *ш*, *ч* и *j* (русск. пиро*жок*, дура*чок*, *лишок*, овеч*ка*, сербск. гра́ш*ак*, бо̀ј*ак*, ла̀ж*ак*, между тем как *-ъц-* в старослов. *лъжъць*, ро*жъць*, сербск. гра̏шац... заимствовано из случаев в положении после соглас. несмякч., напр., *отъць*, *чьтъць*... Эта лабиализация утратилась в польском языке, но оставила следы в языках лужицких (worjoł, wučobny и т. п.).

В § 30. Шахматов говорит о двух видах долготы праславянских гласных: «экспираторно-музыкальной» или «экспираторной» с преобладанием экспираторного элемента и «музыкально-экспираторной» или «музыкальной» («сопровождавшейся высотой»).

Кроме долготы Шахматов различает «полудолготу» (§ 31), которая была двоякого происхождения: или на месте первоначальной долготы экспираторной во всяком положении кроме конечного слога слова (brăta) и на месте долготы музыкальной в слоге перед ударением, не предшествующем ударению непосредственно (krăsotá) и в слоге за ударением, не предпоследнем в слове (gółǭbьmъ̆); или полудолгота получилась из первоначальной краткости гласных *o*, *e* в положении перед слогом с полукратким гласным (nŏsъ̆, mĕdъ̆. . .), о чём сказано выше.

В §§ 33—41 Шахматов довольно подробно говорит о гласных полукратких (стр. 20—26) ĭ, ў, ŭ. В § 42—50 (стр. 26—30) говорится о гласных неслоговых, причём считается вероятным, что *j* заменило i̯ в двух положениях: 1) после согласного и 2) перед ударяемым гласным, как следствие более энергичной артикуляции, требовавшейся в том и другом случае.

В главе II (согласные звуки) Шахматов в § 59 (стр. 33—34) говорит о вставке *h* между гласными *oo*, *öo*, *eo* в форм. род. ед. местоимений toho, i̯eho, vъ̆śöho, упоминая, что указание на это *h* сделано было впервые Ф. Ф. Фортунатовым, обратившим внимание на окончание род. пад. -γo в некоторых северно-великорусских говорах. Но существенное различие между взглядами Ф. Ф. Фортунатова и А. А. Шахматова заключается в исходной точке, в вопросе о происхождении этого общесловянского праязычного *h*: между тем как Фортунатов выводил это *h* из i̯ между гласными в положении непосредственно перед ударением (*tåi̯ǻ > *tåhǻ)[1], Шахматов для рассматриваемых местоименных форм принимает другое праиндоевропейское окончание, именно *so*, сохранившееся в старослов. *чесо*, *чьсо*, известное и в прагерманском (род. *þiso), при чём, по мнению Шахматова, «звук *s*, известный и в других падежных окончаниях, опускался с течением времени под влия-

[1] Лекции по фонетике старослав. языка, стр. 95 (101); об ударении и долготе в балтийских языках, стр. 38 (отд. отт. из Русск. Фил. Вестн. 1895, стр. 286).

нием той или другой аналогии». Эта аналогия, однако, Шахматовым не указана, так как выпадение *s* в формах дат. и местн. ед. тех же местоимений также приписывается какой-то неизвестной аналогии, неизвестному влиянию: «под тем же влиянием, под которым **tosmi*, **tosmъ* изменились в *tomi*, *tomъ*, первоначальное **toso* изменилось в *too*». Вследствие этого мы предпочитаем более раннее объяснение Фортунатова, с которым согласно и объяснение Бернекера форм *чесо*, чесомоу, чесомь[1]. Объяснять *toho*, *togo* из **too* тем более излишне, что сам Шахматов не отрицает возможности выводить великор. и кашубск. *-oo*, *-oǫo*, *-ovo*, прямо из *-ogo*.

Согласные задненебные Шахматов предполагает в общеслов. праязыке только «в веляризованном, быть может, даже лабиовеляризованном виде» (§ 60).

В отделе о шипящих (альвеолярных) Шахматов в § 67 (стр. 37) говорит о долгом или двойном *č̣*, как результате изменения *kť* и *tj*, в § 68 — о долгом или двойном *ǯ̣* из *dj*, т. е. дает объяснение известных соответствий словянских языков, с которым мы знакомы из выше рассмотренного сочинения Шахматова «К истории звуков русского языка».

Не будем останавливаться на изложении всех объяснений в области словянского консонантизма, даваемых Шахматовым: они достаточно известны нам из прежних работ Шахматова и большею частью представляют прочное достояние науки. Подробно рассмотрены «*дифтонги и дифтонгические сочетания*» (§§ 75—84). Говоря в § 82 о начальных сочетаниях *oī*, *oĭ*, Шахматов полагает, что эти сочетания сохранялись в общесловянском праязыке, по указанию Ф. Ф. Фортунатова, только со старой музыкальной долготой, подвергаясь затем перестановке уже в отдельных словянских языках, так что восточно-словянское и польское *ło* в *łǒkъtь*, откуда русск. *лбкоть* и польск. *łokieć*, он, очевидно, считает возникшими независимо, что̀ и отразилось на его взглядах на взаимное отношение словянских языков,

[1] Русск. Филол. Вестн. 1902 г., стр. 219—233: Бернекер нигде не отожествляет по происхождению в своей статье местоименных окончаний род. ед. *-so* и *-go* (*-go*, *-ho*).

сводящихся к возвращению к старой теории дуализма. Напротив, сочетания oĭ, oĭ в начале слова со старой экспираторной долготой плавных (при восходящем ударении) подверглись, по его мнению, перестановке еще в общем словянском праязыке (и с этим, кажется, согласны почти все исследователи) и перешли в rā, lā. Но как, однако, примирить с этим взглядом старословянские формы *алъкати, ал'нии*, соответственно польским, чешским и русским *ла* в *лáкомъ*, ƚakomy, lakomý, чешск. laй, русск. *лань*...? Получается возможность предположения, что в некоторых говорах праславянского языка и здесь oĭ- оставались без перестановки и переходили в āl-... Весьма интересны объяснения явлений начала слова (§§ 95—105, стр. 54—58): развитие h, i̯, u̯, при чём на стр. 56 дается объяснение двоякого изменения начального «*jъ*» — в *ъ*, с одной стороны, и в *ja*, с другой, но из дальнейшего видно, что дело идет не о начальном *jъ*, а о начальных исконных ē и oi > ō, а именно *ъ* развивалось из неударяемых i̯ē, получавшихся как из первоначальных ē, так и из первоначальн. ō (из oi̯), между тем как в положении под ударением получалось jé, которое изменялось в já, причина же этих различий заключалась в условиях появления j и i̯ в общеслов. праязыке: *j* перед ударяем., i̯ перед неудар. гласным. Так объясняются по Шахматову исконные различия между *ясли* (*jāsli) и i̯ědá > *ъдá*, jādъ > *яд*(z) при i̯ědovitъ > *ъдовúт*, но вследствие «понятного смешения *ъ* и jā в отдельных языках» явились общеслов. ěmь вм. jamь, русск. *ъз, ъд*, малорусск. *їд*, сербск. *йjед*, и наоборот, не только великор. и малор. *язва*, но и малорусск. *язвá* при древнерусск. *ъзва* и старочешск. jiezva > новочешск. jízva. § 102 занят вопросом о развитии придыхания *h* перед гласными заднего ряда: *hostrovъ, *hosina..., *hulića, *hǫsy, *hǫzъkъ, *hôvьća... По мнению Шахматова, «существование общесловянского hǫ доказывается тем обстоятельством, что рядом с корнем hǫz (отсюда старослов. **жѧзы**) является vęz-, где *v*, не находящее себе этимологич. основания, может быть объяснено только как результат переноса *h* перед гласн. передн. ряда», при чём «замена *h* через й (v) могла стоять в некоторых случаях в зависимости от потери след. гласною ее лабиализации». Этим объясняет Шахматов переход *h* > *v* перед гласн. передн. ряда ę (стр. 57).

В §§ 108—111 Шахматов говорит о палатализации и лабиовеляризации. Уже в эпоху общесловянского праязыка гласные переднего ряда, ассимилируя себе предшествующие согласные, изменяли их в полумягкие. Но достаточно ли признать полумягкость при переходе задненебных *k*, *g*, *x* в средненебные, если эти согласные «при самом своем появлении изменялись в древнейшую эпоху жизни общесл. праязыка в č́, ž́, š́»? Не становились ли они перед гласными i, e, ę, ь вполне мягкими, т. е. не средненебными, а передненебными, переходившими в соседние зубные аффрикаты? Лабиовеляризацией были охвачены все согласные в положении их перед гласными заднего ряда, что̀ доказывается, по мнению Шахматова, дифтонгизацией *o* или *ô* в польских, лужицких и великорусских говорах (нижнелужицк. *ó*) и переходом *o* в *y* после губных в неударяем. положении в белорусских говорах (*пупá*), произношением ł перед гласными заднего и среднего ряда, засвидетельствованным языками русским и западно-словянскими и некоторыми явлениями южнословянских языков (сербо-хорватского и словенского), сочетаниями *ky*, *gy*, *xy* и т. п. явлениями.

Говоря в § 113 (стр. 63—64) о переходе ē > ā после мягких согласных (*słyxēti > słyš́ati), Шахматов замечает, что «монофтонг, заменивший oi̯, не подлежал переходу в ā после мягких согласных», откуда он считает возможным заключить, что «oi̯ (непосредственно изменившееся в ō̄) не дошло в своем изменении до ē, что распадению в новый дифтонг (*ie*, *eä*) подверглось ō̄, дав *üö* и далее *ѣ*». Но есть ли необходимость в таком заключении? Если ćѣna, śѣrъ, noʒ́ѣ имеют после мягких ć, ś, ʒ́ звук *ѣ* (дифтонг *ie*), не *a*, получившееся в č́asъ, słyš́ati, ž́arъ и т. п. после согласных č́, š́, ž́, то это можно объяснить более ранним действием закона о переходе č́ē и т. п. в č́a, уже прекратившимся ко времени монофтонгизации oi̯, вследствие чего мягкие сочетания ćō̄ и проч., безразлично, обращались ли они в ćē и проч., не должны были изменяться в ća и проч., а изменялись прямо в дифтонгические сочетания ćüö... или ćie...

В § 116 стоит обратить внимание на то изменение, которое делает Шахматов в объяснении ограничительных условий перехода задненебных согласных в положении за гласными передн. ряда предшествую-

щего слога в палатальные свистящие, сравнительно с данным профессором И. А. Бодуэном-де-Куртенэ: по Шахматову, переход ограничивался не положением в ударяемых слогах, как это предполагал И. А. Бодуэн-де-Куртенэ, а положением их перед нелабиализованными гласными (ovьća, но *ovьkǫ, otьćь, otьća, но *otьku, *otьkomь), при чём, конечно, вследствие смешения чередовавшихся между собою форм с заднеязычными и мягкими свистящими еще в праславянском языке явились ovьćǫ, otьću и т. п.[1].

В § 118 Шахматов за А. И. Соболевским (Журн. М. Н. П. 1893 г., № 11) принимает переход полукратких ъ и ь в ь и ъ под влиянием звуков ь или ъ следующего слога, чем объясняются формы rьdьrъ вместо rъdьrъ (сравн. др.-инд. rudhirás), откуда великорусск. *рёдрой*, mьdьkъ, откуда русск. *мѣдлить*, *мѣдленный* от к. *mъd- в чередовании с *mud- (сравн. ст.-сл. моудити, словенск. mudíti, польск. zmuda, mudzić), tъnъkъ вм. tъnъkъ, откуда великор. *тóнкой* при польск. cienki, и некоторые другие примеры; Шахматов добавляет, что формы *бездна*, *истьба* и нек. друг. позволяют заключить о переходе ъ в ь в положении после слога с краткими e, i. Некоторые данные сравнительной грамматики, однако, привели проф. Г. А. Ильинского к заключению о мнимости «ассимиляции редуцированных гласных в праславянском языке» («Известия Отдел. русск. яз. и слов. Росс. Акад. Наук», т. XXII, 1917 г., кн. 1, стр. 1—17). Я думаю, что и в этом, как и в некоторых других вопросах сравнительной словянской фонетики (напр. об изменении начального *e*), истина в середине, т. е. что с одной стороны, в некоторых примерах могут заключаться наследия праязычных вариантов, чего несомненно не отрицал и Шахматов,— с другой стороны, нельзя отрицать и того, что начавшийся еще на почве прáиндоевропейского и прабалтийско-словянского языков взаимный ассимиляционный переход иррациональных гласных или заменивших их кратких u, i продолжался и в праязыке общесловянском и в истории отдельных словянских языков: такие примеры, как лит. tìmsras, др.-русск.,

[1] В новейшее время вопрос этот подвергался исследованию многих учёных (Белича в «Южнослов. филолог.», кн. II, 1921, стр. 18—39, Трубецкого в «Revue des études slaves» t. II, 1922, p. 225, Vondrák'a в «Slavia» II, 1923, str. 17—25).

ст.-сл. **тьма** (праслов. *tьma) и лот. tûmsa при литовск. témti и tamsà, лот, tîrgus при лит. tùrgus и ст.-слов. **тръгъ**, др.-русск. **търгъ**, лит. dùrti при dìrti «колоть» и нек. друг. свидетельствуют, повидимому, о праиндоевропейском колебании вокализации между задним и передним положением, при чём, конечно, оказывали влияние не только гласные, но и соседние согласные (предшествующие и последующие); но нельзя не признать, что известные в истории словянских языков дублеты — *тебѣ* и *тобѣ*, *робёнок* (велик.) и *ребёнок* (общерус. и диал. великор.), *тепéрь* и *топéрь* свидетельствуют о продолжающемся в истории словянских языков процессе ассимиляции гласных двух рядом стоящих слогов (см. Лекции Соболевского, стр. 90).

Надеюсь в особой статье подробнее обосновать свои выводы об изменении гласных в двух рядом стоящих слогах по закону гармонии или ассимиляции в связи с объяснением происхождения современных общерусских литературных форм дат. местн. ед. ч. местоимений 2 л. и возвратн., обычных и в средневеликорусской полосе, — *тебѣ*, *себѣ* вместо исключительно господствовавших в древнерусском языке севера, запада, юга и центра, доныне удержавшихся в языках белорусском (с обычным изменением, конечно, неудар. *о* в *а*) и малорусск. *тобѣ*, *собѣ* (преобладающие в церковных памятниках *тебѣ*, *себѣ*, *тебе*, *себе*, конечно, занесены из южно-словянских оригиналов). Пока же довольствуюсь указанием, что считаю действие закона ассимиляции не ограниченным, во-первых, областью редуцированных или иррациональных гласных, во-вторых, продолжавшимся в разные эпохи балтийско-словянского, праславянского, прарусского, древне-русского и живых словянских языков. О местоименных основах *то-*, *со-* не только в формах дат. местн., но и родит. ед. в московских грамотах XIV—XV вв. (см. у Ягича, «Критич. заметки по истории русск. яз.», стр. 49, 91—92).

Весьма подробно и интересно изложены Шахматовым вопросы ударения и количества в праславянском языке (§§ 119—176, стр. 67—98) на основании, главным образом, собственных исследований автора в области южно-словянских и русского языков.

Вместо терминов покойного своего учителя акад. Ф. Ф. Фортунатова «длительная» и «прерывистая» долготы Шахматов употребляет

термины «экспираторно-музыкальная» и «музыкально-экспираторная», признавая в первой преобладание усиления, во второй — повышения голоса, соответственно терминам «акутированная» (gestossen) и «циркумфлектированная (geschleift) западно-европейских лингвистов. Первый вид получал восходящее ударение, второй нисходящее, при чём последнее было менее устойчиво, переносясь на экспираторно-долгий слог следующий или предшествующий. Для общесловянского праязыка Шахматов принимает сокращение экспираторно-музыкальной долготы до полудолготы (§ 129, стр. 71). Интересно данное Шахматовым объяснение формам им. множ. средн. р. *сѐла* и имен. ед. женск. р. *вдо̀ля*, *кдо̀жа* (§ 133, стр. 74—75): «в известных случаях ударение экспираторное полудолгое переносилось с падежн. окончания на предыдущий слог» под влиянием той или другой аналогии, являясь в виде экспираторного на предшествующем слоге, между тем как полудолгий экспират. гласный, потеряв ударение, переходил в «*сверхдолгий*» музыкальный. Долгота эта доказывается, по мнению Шахматова, долготою конечного *а* в сербских диалектических формах, напр., славонских (по грамматике Берлича) njȅdrā, kȍlā, stâdā (у Берлича ā выражено через à), а также формами lêta, zr̂na при им. ед. léto, zŕno словенского яз. (сербск. lȅto, zr̄no, новоцерковнослов. зе́рно), указывающими на бывшую долготу конечн. *а* в ф. им. множ. По мнению Шахматова, перенос ударения на предшеств. слог в ф. им. мн. ср. р. произошел под влиянием формы им. мн. жен. рода, имевшей музыкальную долготу конечного ā (из индоевроп. ās, сравн. литовск. rañkos), которое потому и не перетягивало на себя ударения с коренного слога: *сѐла* при ф. ед. ч. *селȍ* под влиянием отношений им. вин. мн. *вдо̀ды* к имен. ед. *водȁ* (при этом, конечно, обходится вопрос о заменах древней индоевроп. формы имен. множ. на -ās древнею формою вин. мн. на -āns). О сверхдолгом ā в volr̄ā, kožr̄ā свидетельствует польский язык, долго сохранявший ā в им. ед. на -ja, как видим из форм вин. ед. wolą, род. ед. wolej. Перенос же ударения на начальный слог совершился под влиянием формы вин. ед. с музыкально-долгими окончаниями и в форме имен. ед., при чём гласный коренного слога перед группой «согласн. + j» утрачивал музыкальную высоту, вследствие чего вместо музыкально-кратких и музыкально-

долгих коренных гласных здесь получились экспираторно-краткие и экспираторно-долгие, т. е. гласные с восходящим ударением краткие и долгие: vòl̓ǫ, sûš̓ǫ, kòž̓ǫ (знаки ´, ` служат для обозначения восходящего ударения в общесловянском праязыке) вместо предполагаемых vȍlįǫ, kòzįǫ, sûxįǫ с нисходящими ударениями на коренных о и u. На «экспираторное» («восходящее») ударение указывают словенские формы vǫ́ljo, kǫ́žo, sûšo и чешские vůli, kůži... Отсюда получились гласные с восходящим ударением и в формах им. п. ед. ч., на что ясно указывают формы чешские vůle, kůže и словенские vǫ́lja, kǫ́ža, sûša, также диалектические великорусские *вуоля*, *куожа*, *нуоша*... (ср. §§ 132 и 134). Изменением музыкального ударения в экспираторное в положении перед группой «соглас. + j» удачно объясняются и такие различия, как ф. сравн. степ. *dor̓žȏ > русск. *дорóже*, сербск. дра̏же, при ф. полож. *dor̓go > русск. *дóрого*, сербск. дра̑го.

Шахматов различает в общесловянском праязыке два некратких восходящих ударения, ударение ´ на полудолгом и ударе́ние ˜ на сверхдолгом гласном. Между тем как в чакавском и словенском оба совпали в одном восходящем ударении, в штокавском наречии второе перешло в нисходящее: чакавскому и словенскому grája, žéja (žája) в сербском штокавском соответствует гра̑ђа, же̑ђа; вследствие таких отношений и русск. сочетан. -*оро́*- (с удар. на втором *о*) в *сторо̀жа*, (*о*)*горо̀жа* Шахматов (§ 134) склонен выводить не из -*or̓*-, а из -*oř*-. Так же объясняет Шахматов и северно-великорусскую, принятую и общерусским языком образованных классов форму *воро̀та*; но едва ли необходимо и в этой форме, которую можно было бы признать первоначальной формой имен. вин. двойств. вследствие ярко выраженного значения двойственности («две половинки ворот»), чему прекрасно соответствует и древнейшее праславянское ударение *vor̓tȃ, на которое указывает и южно-великор. *воротá* (у Кольцова: «ворота тесовы отворилися») и церковно-славянск. **врата̀** (напр. Псал. XXIII, 7) и сербск. штокавск. *вра́та* (сравн. отношение *во́ротъ*: *воротá* с отношением *бе́регъ* : *береги́*), вслед за Шахматовым видеть наследие старого восходящего на сверхдолгом -or-: несмотря на то, что предположению первоначальной формы им. вин. дв. ч. *vor̓tȃ противоречат известные в старославянском яз. формы твор.

множ. **братъı**, местн. мн. **братѣхъ**, дат. мн. **братомъ** (см. словари Востокова при издан. Остромир. Еванг. 1843 г. и Ягича при издан. Мариинск. Ев. 1883 г.), указывающие на древность склонения этого слова по типу множ. ч. средн. р. (как и формы других словянских языков: польск. wrota — род. wrót, чешск. vrata, сербск. *вра́та*, словенск. vráta, med vrati, см. словари Pleteršnik'a, В. Караджича, Ранка, Дубровского и других), тем не менее первоначальность формы *vor̄tā́ достаточно засвидетельствована выше указанными соответствиями ударений южно-великорусского, сербского и традиционного церковнословянского, но приходится ее объяснять как ф. имен. мн. средн. р. по типу *сѣ́но* — *сѣна̀* (серб. сӥјено, сијѐна) и более поздних *тѣ́ло* — *тѣла̀* (серб. тӥјело — тијѐла), а сев. вр. малор. *воро́та* всего естественнее считать формою, возникшею под влиянием ударения род. мн. *воро́тъ* (украинск. *ворі́т* из **воро́тъ*), в котором ударение естественно передвинулось назад вследствие иррациональности гласного конечного слога, при чём древность ударения на конечном слоге ясно доказывается и польской формой род. множ. wrót, так как изменение *о* > *и* естественно объясняется удлинением *о* в положении в слоге непосредственно перед ударяемым по закону Лоренца-Кульбакина и не нуждается в объяснении путем «аналогии» других форм род. множ. (со звонким конечным согласным), точнее — ассоциации значения род. мн. с долготою коренного гласного в закрытом конечном слоге.

Говоря о позднейших явлениях, Шахматов прежде всего отмечает утрату музыкальной высоты конечными слогами и в связи с этим сокращением музыкально-долгих слогов переход дифтонга i͡e (из праязычных ē и oi̯) в конце слова в *i* (§§ 136 и 137): mati, vьlći, nesi и т. п. Таким образом, краткими явились в известную эпоху жизни общесловянского праязыка все конечные гласные, что̀ основывается на краткости конечных гласных, которые по своему происхождению должны бы были быть долгими (*а* в ф. им. ед. и род. ед., u в ф. дат. ед., *у* в имен. вин. множ., ě в ф. дат. местн. ед. ч., *і* из ě в ф. имен. мн. основ на ŏ или в повелит. 2 л. ед.), во всех словянских языках: сербск. и чешск. vodă, rakă, ф. дат. ед. bobŭ, чешск. ženy̆, сербск. žene с ĕ из ę вместо у по типу мягкого склонения, ф. дат. местн. чешск. vodě,

серб̀ск. vodȉ, повел. nesȉ. Долгота конечных гласных в некоторых грамматических окончаниях в современных славянских языках частью восходит к праслов. сверхдолготе, частью же нового происхождения; первую следует видеть, как указано выше, напр., в некоторых формах имен. вин. мн. средн. р. на ā, в ф. род.-местн. двойств. на ū, в ā им. ж. р. йотованных основ и нек. друг., вторую, напр., в словенских формах с перенесенным с предшествующ. слога нисход. ударением род. ед. bogâ, вин. ед. vodô и т. п., в общесловянских праязычных формах 3 л. множ. nesǫ̑, letę̑, где долгота заимствована из параллельных форм nesǫ̑tь̆, letę̑tь̆ или -tь̆. Высказывая в § 140 положение о музыкальном понижении третьего от конца слога и ставя его в связь с повышением предконечного, Шахматов, однако, не решается допустить здесь полное сокращение и принимает сокращение до полудолготы в виду, с одной стороны, краткости гласных первого слога в сербском и чешском, с другой, развития русского полногласия и в таком положении: krasotà, sramotà с краткими *a* перв. слога в сербском и чешском при *соромота̀*, *беремена̀* в русском (стр. 80—81). Таким образом, Шахматов здесь, ни словом не упоминая о выставленных им в сочин. 1903 г. «О полногласии и некоторых других явлениях» законах сокращения долгих слогов в праязыке словянском и обусловленных этим сокращением при известных положениях по отношению к старому ударению отступлениях от полногласия, засвидетельствованных как древними памятниками (Ипат. летоп. под 1160 г.), так и живыми говорами окающих, т. е. более устойчивых по вокализму неударяемых слогов наречий, повидимому, совершенно отказывается от своего прежнего объяснения таких форм, как *горностáй*, *морзобóй*, *борноволóкъ*, праславянским сокращением начального слога, что̀ видим и в §§ 235—249 (стр. 146—156), специально посвященных вопросу об изменении сочетаний or, er, oĺ в середине слов, т. е. русскому первому полногласию, где совершенно обходится вопрос об указанных в более раннем сочинении отступлениях.

Очень подробно и обстоятельно с доказательными ссылками на живые словянские языки изложены Шахматовым вопросы о различии старых нисходящего и восходящего ударений в двусложных и трехсложных словах, о переносе нисходящих ударений на приставки и предлоги (русск.

пó воду, *зá руку*, сербск. ȍд бога, нȁ воду, ў глāву и т. п., § 148, стр. 85), об изменении нисходящих ударений в восходящие в положении за слогом с долгим гласным (великорусск. диалект. *нарўот* из *народъ* < прасловянск. nāròdъ, nāròda, § 149), об изменениях ударений, связанных с количественными изменениями вследствие редукции ĭ и ŭ и проч.

В отделе II-м (§ 177—188, стр. 99—108) Шахматов, хотя и признает непродолжительность эпохи «совместной жизни южного и восточного славянства, отделявшегося от западно-славянской ветви», говоря о немногочисленности явлений, исключительно относящихся к консонантизму, объединяющих южные и восточные словянские языки в противоположность западным, тем не менее не отказывается от высказанного во введении предположения о бо̀льшей близости южно-словянских и восточно-словянских языков между собою в противоположность западнословянским языкам. Объективность изложения требовала бы после обзора явлений, общих южным и восточным словянским языкам, поместить обозрение явлений, общих западным и восточным словянским языкам, которое необходимо должно бы предшествовать отделу III-му «явлений общерусского праязыка», при чём следовало бы указать общие явления не только в звуках, но и в словообразовании и морфологии. Недостаточность аргументов в пользу дуалистической гипотезы об единстве южных и восточных словянских языков, сто лет тому назад выставленной патриархом словяноведения Иос. Добровским, указана уже П. А. Бузуком в его статье «Взгляды акад. Шахматова на доисторические судьбы словянства» (Известия Отдел. русск. яз. и слов. Росс. Акад. Наук, 1918 г., XXIII тома кн. 2, Петр. 1921 г., стр. 162), но с самого появления в печати «Очерка древн. пер. ист. русск. яз.» акад. Шахматова я в своих лекциях по истории русского языка (1916-го и след. годов) всегда указывал в противовес дуалистич. теории не только языковые черты, отмеченные Бузуком на указанной странице в сноске 2, но и формы личн. местоим. 2 лица и возвратных дат. местн. пад. единств. числа — *тобѣ*, *собѣ*, в исконной принадлежности которых всему русскому праязыку и древне-русскому во всем объеме до XV века я не сомневаюсь, признавая, как выше указано, формы *тебѣ́*, *себѣ*

новообразованиями частью по «аналогии» («семантическая единица» *те-, се-* ведь была в ф. родит. ед.), частью по действовавшему в истории русского языка закону гармонии или ассимиляции гласных двух рядом стоящих слогов, как в словах *тепе́рь, ребёнок* вместо более древних и сохраняющихся еще в большинстве северно-великорусских говоров *топе́рь, робёнок*, при чём в общерусском литературном языке последовательному проведению форм *те-, се-*, как в род. вин., так и в дат. местн. над. содействовала преемственная традиция языка древнецерковно-словянского, явное проявление которой при поддержке все более проникающего в общерусское произношение южно- и средне-великорусского *аканья* видно и в утвердившемся написании предлога *раз-*, если на него не падало ударение, и слов *рабо́та, расти́* и т. п. Если отнестись внимательно к истории звуков и форм русского языка сравнительно с историей других словянских языков, мне кажется, мы могли бы отыскать и другие черты, более роднящие словянский восток со словянским западом, чем со словянским югом, напр., сохранявшееся и сохраняющееся в русском и польском языках, правда, еще соблюдаемое в ряде глаголических памятников языка старословянского, но совершенно в глубокой уже древности утраченное южно-словянскими, в особенности же их сербско-словенской отраслью, различие праславянских сочетаний **tъ̯rt, *tl̥t, *tъ̯rt, *tl̥t* от сочетаний **trъt-, *tlъt-, *trъt, *tlъt*, усиленная лабиализация, общая с польским, кашубским, лужицкими языками (сравн. польск. и прарусск. żona, русск. и словинско-кашубск. voɫk[1], прарусск. и прапольск. **nŏsɫъ*, откуда польск. niósł, т. е. nusł, великорусск. nos, прамалорусск. и сев.-малор. nüos, украинск. нїс, т. е. nis), при чём нельзя не отметить, что есть особенности прарусского языка, объединяющие его только с некоторыми западно-словянскими и некоторыми южно-словянскими языками: таково сохранение лабиализма в произношении наследника праславянского *ъ*, откуда в сильном положении *о*, в лужицком, словацком и болгарском (сравн. *о* из *ъ* в ряде древне-болгарских глаголических памятников). Переход полумягких согласных в мягкие в прарусском языке также со-

[1] Откуда словинск. voųk, малорусск. белорусск. воўк, вовк. . .

вершенно параллелен с таким же переходом не только в ныне сохраняющих мягкость согласных перед *e*, *i*, древним *ę*, древним *ъ* языках польском и лужицких, но и с такою же, как показывает переход *ŕ* > *ř* мягкостью согласных в положении перед гласными переднего ряда в прачешском, что̀ позволяет догадываться, что переход полумягкости в мягкость относится к диалектам праславянского языка. Это дает возможность предположить, что различение мягкости и полумягкости было свойственно лишь той отрасли праславянского языка, которая легла в основание южно-словянских языков, и наилучше сохранилось именно в ветви сербско-словенской. Что касается морфологии и словообразования, то и в этих областях, кроме известных форм твор. ед. основ на *ŏ* и *ŭ* (западно- и восточно-словянск. *-ъмъ, южно-слов. *-*отъ*) и дат. мести. ед. местоимений (*tobě, *sobě при южно-слов. *tebě, *sebě), можно бы было найти еще некоторые черты в пользу совместной жизни словянства западного и восточного отдельно от южного; я укажу, напр., некоторую любовь к замене сильного вида глагольных корней слабым, обнаруживаемую языками чешским, польским и русским (чешск. žhu, польск. żgę, русск. *жгу*, чешск. řka, řkouc, польск. rzkomo, древнерусск. *ркучи*, *рькучи*, аор. *рче*, но сербск. только жѐжѐм, рѐчѐм, аор. рѐче и т. п.). Я бы отметил также особенно частое употребление в старочешском языке простых тематических аористов (напр., ф. 3 л. мн. vnidu, jidu, dojedu, pojedu в Александриде и хрон. Далимила) и, повидимому, такое же употребление в древне-русском, как ни скрывается этот последний под слоем языка древне-болгарского, ставшего на Руси литературным: если формы так называемого «сильного» аориста отсутствуют в Остром. Еванг. и многих памятниках русского письма XII—XIV вв., даже в главных списках русских летописей (Синод. Новгородской, Лаврент. и Ипат. первоначальной и Киевской), уступая исключительно место формам типа «придошѧ» и т. п., тем не менее в других памятниках русского письма, как Арханг. Еванг. 1092 г. и Успенск. Сборн. XII в., мы находим **придоу**, **изидоу** (Арх. Еванг. 2.$^{\text{обор.}}_{2}$, 9—10, 3.15), **придоу** ѧнгли Усп. Сб. 120 (Жит. Иова). Едва ли мы в праве столь решительно, как это сделано академиком А. И. Соболевским в Лекциях по истории русского языка[4], стр. 152 (гл. VIII),

высказаться за отсутствие в древне-русском языке форм «сильного» аориста типа *несъ* и сигматического типа **нѣсъ**. Возможно, что отсутствие их в большинстве древне-русских памятников обусловлено отсутствием их не в живом русском языке, а в большинстве приходивших на Русь древне-болгарских оригиналов, при чём влияние языка этих оригиналов распространялось не только на русские списки с них, но и на оригинальные русские произведения (напр., летописи, жития). Сравнивая степень проявления восточно-словянских (русских) элементов в Остромировом 1056 г. и Архангельском 1092 г., мы несомненно в этом отношении отдадим преимущество последнему, признавая в Остромировом Евангелии, кроме обычных проявлений древне-церковно-словянского языка в довольно правильном употреблении юсов, передкой постановке *ъ* и *ь* после согласн. + плавн., исключительном употреблении неполногласных форм (trat- и ťrět-) и староболгарск. *шт* (**шт** и **щ**) из tj, явные южно-словянизмы в постановке *ъ* после шипящих (**шъдъ, шъдъше**, сравни последовательность в этом отношении Савв. книги), в отвердении мягких *с* (из *х*) и *з* (из d͡ź, получившегося в известную эпоху праслов. языка из g), что̀ видно из постановки букв **а** и **оу** в формах **вьса, вьсакъ, кънѧза, кънѧзоу**, и может быть, еще в каких-либо особенностях, а в Арханг. Еванг., кроме гораздо последовательнее проведенных общих обычных черт русской редакции церковно-словянского языка (**оу** вм. **ѫ**, **а** вм. **ѧ**, **ѧ** вм. **ꙗ** и **ѣ**, **ьр-** перед согласн., *ж* из dj: **боудеть** 9 об., 12, **ѿкоудоу** 10, **славоу** 9 об., 13, 12 об., **вѣроваша** 13, **вьсѧкъ** 1 об.; **ѿвьржетьсѧ** 25 об., **соужю** 13, **жажю, прихожю** 1 об.), и такие редкие в древнейших памятниках русской письменности и совершенно чуждые Остромирову восточно-словянизмы, как **възлечи** 5.13–14, **хочете**[1] 117.7, **оумерети** 95.17, **по берегоу** 31 об., см. последние примеры, проверенные мною по фотоцинкографическому изданию 1912 г., и в Хрестоматии по истории русск. языка Дурново (Москва, 1914, стр. 6, 8, 9). На каком же основании припишем мы русскому языку XI века только форму аориста, употребленную в Остромир. (**изидошѧ, придошѧ**) и свойственную преимуще-

---

[1] Сравн. еще: хочеши сѧ ꙗвити 100.об. 13, **одинъ ѿ рабъ** 101.об. 11.

ственно (кроме замены окончания шѧ тематическим хѫ) восточно-болгарскому языку, и будем отрицать в нем формы 3 л. мн. изидоу, придоу (л. 2б, 3а), употребленные в Арханг. Евангелии?

Наконец, нельзя оставлять без внимания и словарно-семасиологические особенности, хотя эта область языковедения справедливо признается наиболее шаткой, а материал, характеризующий в этом отношении отдельные языки, наиболее изменчивым. Но предоставляя дальнейшим специальным исследованиям заняться сравнительным изучением словаря словянских языков, я пока обращу внимание на различие значения по крайней мере одной лексической группы в южно-словянских языках, с одной стороны, и в северо-западных и северо-восточных, с другой: старослов. млъва, млъвити означает «шум», «смятение», «шуметь», «хлопотать» (θόρυβος, θορυβεῖσθαι), каковое значение развилось, вероятно, из более древнего «бормотать», «жужжать», сохранившегося в живых южно-словянских языках (напр. в словенск. mółviti «murren, brummen», угорско-словенском «bečele muvijo», Pleteršnik, Slovensko-nemški slovar s. v.); к сожалению, в живом сербском (штокавском) яз. по словарю Вука Караджича мы не находим этой группы, болгарск. же *млъвá* «ссора», «сплетни» (Дювернуа), вероятно, является или заимствованием из церковного языка или естественным продолжением того значения, которое было уже в языке староболгарском; в «Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika» Загребской Академии (svez. 30, u Zagrebu 1911) приводятся muviti «bučati, vikati», muva «*вика*» только из Доментиана, как церковнословянизм.

Между тем значение «речи», «говора людей» эта группа получила лишь в языках чешском, польском и других северо-западных (чешск. mluviti, smlouva «сговор», в. луж. mołwić, н. луж. mołwiś, wymołwiś и пр. «говорить», см. словарь Мука, старопольск. mołwić > н. польск. mówić, mołwa > mowa) и восточно-словянских (великорус. *мóлвить, молвá,* частица *мол* «говорят» и друг., малорус. *мóва* «язык», «речь», *мóвити* «говорить», *змóва* «уговор», *розмóва* «разговор», *мов* «точно, будто», см. словари великорусского яз. В. И. Даля и «української мови» Б. Грінченка, при чём частицу *мов* следует объяснять из формы повелит. **молви*» в таком же употреблении, как великорус.

«скажи», «кажи», «почитай», «почти»). Возможно, что это слово попало в др. ц. словянский яз. в качестве «паннонизма».

Конечно, не меньше, может быть, и больше семасиологической близости можно найти и в языках южно-словянских с языками восточно-словянскими (напр. русск. и сербск. *говорити*, русск. *год* и сербск. го̏дина и нек. друг.), но необходимо помнить, что в вопросе о взаимном отношении словянских языков не следует пренебрегать и вопросами о значении и употреблении слов в отдельных языках, представляющими обширное, почти не тронутое, поле для исследователей.

Понятно, что со своей точки зрения юго-восточно-словянского единства, продолжавшегося яко-бы еще и после отделения из общесловянского праязыка ветви западно-словянской, представлявшей, по мнению Шахматова, в древнейшую эпоху общий западно-словянский праязык, наш маститый учёный совершенно оставлял без внимания известные пункты сходства, даже тождества в языках восточно-словянских с языками западно-словянскими и объяснял происхождение их в первых совершенно независимо от вторых. В числе этих «явлений общерусского праязыка» Шахматов на первом месте ставит «потерю носовых», под которою разумеются изменения и ǫ > u, и ę и ą̆ > a, и переход назалированного дифтонга i͡e въ i͡e без назализации (§ 192), при чём последнее наблюдается только в окончаниях известных форм склонения (duš́ѣ, ovьćѣ, muž́ѣ в род. ед., имен. и вин. мн.). Сравнивая известные факты древнерусских памятников и живых говоров русского языка с соответствующими языков западно-словянских, мы не можем не признать, что утрата назализации *ѣ* произошла еще в период совместной жизни праязыков западно-словянского и восточно-словянского, так как польский язык, сохранивший назализм древних ę и ǫ, утратил назализм *ѣ* (др. польск. ф. род. ед. dusze, winnice, им. вин. мн. ówce, konie, męże), и что более позднее изменение ę > ä > a и ǫ > u имеет полное совпадение с таким-же изменением в древнейшую эпоху жизни чешско-словацкой ветви. Из примеров на *ѣ* соответственно ѧ южных старословянских памятников едва ли не следует исключить отмеченный А. И. Соболевским в лекциях по истории русск. языка, с. 153, и А. А. Шахматовым в «Очерке», стр. 112, пример Остром. Ев. 160ª капл*ѣ* кръви (θρόμβοι

αἵματος), так как то же *ъ* в данном примере мы находим и в глаголич. Ассем. Еванг. (мною проверено по фотограф. снимку Ассем. Ев., хранящемуся в рукописном отделении библиотеки Рос. Академии Наук); возможно, что в оригинале старословянского перевода «апракоса» была ф. имен. ед. *капль* (капля) как перевод греческ. θρόμβος вместо читаемого обычно θρομβοι (Лук. XXII, 44), при чём эта ошибка первоначального перевода могла бы объясняться палеографически смешением греческих минускульных ι и σ, а также ε и ο в следующей причастной форме καταβαίνοντος вм. καταβαίνοντες, т. е. при чтении θρόμβος причастную форму возможно было объяснить лишь как форму род. ед., согласованную с αἵματος.

Прарусские новообразования «по аналогии» в формах причастия настоящ. время *неса, мога, пека* и т. п. также тожественны с такими же древнечешского языка (nesa, řka и т. п.).

Что касается замечания Шахматова о доказательной силе, в вопросе о времени утраты назализма, слов заимствованных, то я думаю, что более прав был А. И. Соболевский, видевший в звуках *у* и с предшествующею мягкостью *а* указание на когда-то бывшие назализованные гласные в заимствованных словах, имевших эти звуки соответственно on, un, с одной стороны, en, in, с другой, в их оригиналах, т. е. я не думаю, чтобы, «заменяя an и en через ѧ, русские просто опускали носовой звук, а предшеств. гласн. передавали ближайшим соответствующим звуком»; напротив, мне представляется вероятным, что «mantel перешло... в *мѧтєлъ*» (Шахматов, Очерк, § 193, с 112) не через посредство *мѧнтєлъ*, а через посредство **мѧтєлъ*, но другой вопрос, в каком словянском языке появилась впервые эта форма, предшественница русской *мятель*, а также, напр., в каком словянском языке нужно искать прототипа малорусского глагола *дяковати*, первоисточником которого, как и польского dziękować и чешского děkovati, лингвисты единогласно признают древне-верхне-немецк. dank-, — этот вопрос остается открытым. Едва ли правильно Бернекер в своем Slav. Etymol. Wb. на первом месте ставит чешск. формы děk, diek, выводя из чешского польск. dzięk, а из польского малорус. *дяк-*: ведь не могло же чешск. děk возникнуть прямо из dank без посредства праформы с наза-

лирован. гласным, и конечно, эта праформа достаточно засвидетельствована польскою формой dzięk, восходящею к празападнословянской *ďęk или *ďą̈k (с назалир. гласным средним между *a* и *e*); если же считать чешскую форму источником польской, то во всяком случае она должна была перейти из чешского языка в ту доисторическую эпоху, когда еще чешско-словацкий праязык не утратил назализма, а решение этого вопроса стоит в связи с вопросом, есть ли основание признать существование назализма в выделившемся из более древнего праязыка западно-словянского (если таковой мы вправе предположить) праязыке чешско-словацком.

Весьма вероятно, что и в древнерусский язык, кроме очевидных заимствований из языка древне-болгарского, каковы *декабрь*, *ноябрь*, *костятинъ* и искаженное уже на почве южно-словянской *къснятинъ* (сравн. в Супрасл. рукоп. Люблянск. 101 об., стр. 10, **къснатина града** и южно-словянск. глагол **къснѣти** χρονίζειν, заменяющий в Мариинском Еванг. обычное в других текстах **моудити**, с которыми сравните словенск. kesnẹ́ti, сербск. ка̏снити и до̀цнити из *докъснити, с одной стороны, и словенск. mudíti, с другой), *ядрей*, *ягольчевичь* (Новгор. летоп. по Синод. сп. 82 л., стр. 163) из *ягол- (уменьшит. суффикс и отечеств. принадлежат русскому языку), источником которого считаю греческ. ἄγγελος, и другие, переходили и с запада *варягъ* (из *varingr*), *кълбягъ* (из *kulfingr*), *ябеда*, *мятель* и друг. не прямо из германских языков, а через посредство такого словянского из ближайших северных (польского или приморско-кашубского), который в историческое время знал, знает и до сих пор назалированные гласные. Таким образом, не соглашаясь с взглядом Шахматова на ход изменения сочетаний «гласн. + носов. согласн.» заимствованных из германских языков слов в русском языке, считая вместе с акад. Соболевским обязательным предположение стадии с назалированным гласным, как посредствующей ступени между иноязычными сочетаниями an, en, un и русскими *я*, *у*, я однако считаю доказательность этой обязательной назалированной ступени в вопросе о существовании назалированных гласных *именно в русском* (= восточно-словянском) языке не вполне достаточною.

Переходя к вопросу о судьбе в общерусском праязыке праславянского *ѣ* (= i̯e), Шахматов, сделавший уже в более ранних трудах своих

важные наблюдения и выводы, дает в «Очерке» (§ 194, стр. 113—114), на основании северно-великорусского произношения *е* в окончаниях им. вин. множ. прилагат. членных (*добрыѣ* вместо *добрыѣ*) и московского и вообще средневеликорусского (последнее добавляю от себя) произношения род. ед. (переносно и вин. ед.) женск. р. *еѣ*, *самоѣ*, средне-великорус. (Нижегор., Симбирск.) *тоѣ*, *всеѣ*, а также на основании графической передачи *ѣ* через **ѥ** в положении после гласных (ѿ **братиѥ** Мстисл. Ев. и друг.), интересный вывод об изменении *ѣ* в *е* в положении после *i* еще в языке прарусском. Не отрицая значения диалектических особенностей произношения (*ё* вместо *е* из *ѣ*), я бы однако усомнился в значении **ѥ** вместо **ѣ** древних памятников: почему **братьѥ** рядом с *земль*, как и **ѥд-**, **ѥсти** в Арханг. Ев. 1092 г. и других памятниках, правильно соблюдающих разницу между буквами **ѣ** и *е* (напр. Новгородских грамотах XIV в., Лаврент. сп. летописи), нельзя объяснить именно дифтонгическим произношением *ѣ* с преобладанием второй части дифтонга, т. е. *i̯e*, которое в положении после гласных почти не разнилось от произношения *е* после гласных (сравн. *dobroi̯e* в форме род. ед. женск. р. и *dobroi̯e* в ф. имен. вин. ед. средн. р.), если только *е* почему либо не перешло в *ӧ* и далее в *о* (сравн. *moi̯é* > *mojó*)?

К общевосточнословянской эпохе (до разделения на диалектические группы северно-, восточно- и южно-русскую) относит Шахматов и переход *ѣ* (= i͡e) в *i* в положении перед слогом с ударяемым *i* в виду согласного показания языков малорусского и великорусского (малор. *сидíть* и великорус. *сидíть* > *сидúт*). Прарусский закон изменения i͡e > i Шахматов (§ 195, стр. 115) формулирует несколько иначе, чем раньше (в статье «Ueber die schwache Stufe der uridg. 'ă'-vocale» в Zeitschr. f. vergl. Sprachf. 1900 г., B. XXXVI, 51) он предположительно определен Фортунатовым: между тем как Ф. Ф. Фортунатов, считая условия развития *i* из i͡e не вполне ясными вследствие малочисленности примеров такого *i*, предполагал, что повидимому i͡e обращалось в общерусском праязыке в *i* в положении в неударяемом слоге перед слогом (ударяемым?) с звуками i͡e и *'a* из праславянского *ę*, т. е. благодаря известной диссимиляции, Шахматов обусловливает его, как видим, именно ассимиляциею с гласным следующего слога, при чём уда-

ряемость этого последнего выдвигается Шахматовым более решительно. Конечно, справедливо покойный Ф. Ф. Фортунатов тогда же (в 1900 г. Z. v. Spr. 36, 50) не мог присоединиться к мнению Розвадовского (Bez. B. XXI, 154), о происхождении русского *i* в sidě́t и ditá из индоевроп. ī. Примеры упомянутого изменения $\widehat{\text{ie}} > \text{i}$ приведены Шахматовым обильно и из памятников письменности и из говоров великорусских, белорусских и малорусских, при чём случаи, неподходящие под указанный закон ассимиляции следующему слогу, объясняются влиянием родственных образований: *сúдень*, *сидѣ́ть*, *дитя́* — влиянием форм *сидúть* (3 л. ед. наст. вр.), *дитúна*, а белорусск. диалектич. *сядзúць* обратно влиянием формы инфинитива **сѣдѣ́ти* > *седéть* > *сядзéць*.

Тою же ассимиляцией следующему слогу объясняет Шахматов и диалектич. *цолю́ю*, *цоловáть* (вместо *цѣловáть*), известные и в новгородских памятниках XV в. и в разных говорах великорусских и малорусских, а также вслед за А. И. Соболевским и встречающиеся в древних памятниках **телесе** вместо **тѣлесе**.

Конечно, после высказанных нами выше возражений против сделанного Шахматовым в § 22 определения праславянского иррационального гласного *ъ* как «нелабиализованного» мы уже не будем говорить вместе с нашим ученым лингвистом (§ 196) о вторичной его лабиализации.

Далее в изложении Шахматова отметим следующие звуковые особенности общерусского праязыка: 1) изменение *ä* в *a* с предш. мягкостью (*глúняный*, *полотняный*, малор. *мíдяний*, *камяний* и т. п., § 199); 2) изменение *ö*, *ü*, *ъ̈* в *ȯ* *u̯*, *ъ* после смягченных шипящих аффрикат и фрикативных (§ 203) и *j*; 3) изменение аффрикат $\acute{\jmath}$ (= $\widehat{\text{dź}}$) и $\acute{\jmath}$ (= $\widehat{\text{dž}}$) в фрикативные *ź* и *ž* (§§ 206—207), при чём первое характеризуется примерами *князь*, *князя*, *пользя* с типичными для русского языка мягкими *з*, второе общерусским *ж* из первоначального *dj* в великорус. *межá*, *пряжа*, *вúжу*, угорусск. *вижю* и мног. других при сохранении во многих западно- и северно-малорусских говорах и некоторых белорусских более древнего соч. *дж* под влиянием родственных образований с *д* (*ходжю* под влиянием *ходúти*, *виджу* у галицких бойков, *пробуджяти* в Кобринск. у. Гродн. губ.). В отличие от господствующего взгляда Шахматов говорит не о вторичном возникновении *дж*

из общерусского *ж*, хотя бы последнее и возникло еще в прарусском языке из более древнего мягкого *д͡ж*, восходящего в свою очередь к *д͡жд͡ж* общесловянского праязыка, а об удержании под благоприятными влияниями старого *д͡ж* рядом с более новым, хотя и возникшим еще в общерусском праязыке без поддержки благоприятных для сохранения аффриката влияний, звонким фрикативным *ж* в тех же или в соседних говорах.

В § 211 мы читаем о переходе в общерусском праязыке среднего *l* в положении перед согласным внутри слова в велярное *ł*, получавшееся в общесловянском праязыке будьто бы только в положении перед гласными заднего ряда. В пользу среднего *l* в общесловянском праязыке действительно говорят такие примеры, как прасловянск. *melko, *pelnъ и некоторые другие (сравн. соответствия словянских языков: старослов. **млѣко, плѣнъ**, сербск. *млéко* и *млиjѐко*, словенск. mlẹ́kọ, сербск. плêн и плӥjен, словенск. plẹ̑n, чешск. mléko, plen, польск. mleko, plon, plony, в противоположность общерусским, т. е. как великорусским, так и малорусским *молокò* и *полóн*, при чём диалектич. украинское произношение среднего l следует признать вторичным), но я бы сомневался в таком же прасловянском среднем l в прасловянских *ž́elbъ, *ž́eldǫ, *č́elnъ, *č́ьlnъ, *ž́ьltъ, *xъlmъ, *mъlv-, *golsъ, *golvā, т. е. в сочетаниях с *l* в положении после первоначальных *е* и *ь* за смягченными зубными шипящими и после первонач. *ъ* и *о*, по крайней мере если следующий за *l* согласный был в сочетании с гласным заднего ряда: если бы прасловянский язык не имел в указанных сочетаниях твердого велярного *ł*, то были бы непонятны предполагаемый и Шахматовым переход в них *е* и *ь* в *ӧ* и *ь*, чтò ясно из сопоставления форм старослов. **чловѣкъ**, словенск. člóvẹk, сербск. *чòвек*, *чòвjек*, чешск. člověk, польск. człowiek, сербск. члâн и др.-рус. *челонъ* (Соболевск., Лекц. 24), чешск. žlab, польск. żłób и русск. *жóлоб*; из формы старослов. **жладѫ** (Супр., сравн. нем. geld), из сравнения чешск. žlutý, польск. żółty и в. русск. *жóлтый*, мр. *жóвтий*, сочетания lu в чешск., тверд. ł в польском и звуков la, ło в сербо-слов., чешск. и польск. слов чешск. chlum, smlouva, mluviti, польск. chełm, mowa, mówic (из др.-польск.

mołwić), русск. *холмъ*, *молвить*, *молва́*, укр. *мо́ва* и т. п., серб. слов. *гла́ва*, чешск. hlava, польск. głowa, русск. *голова́* и т. п. Понятно, что ł распространялось «по аналогии» и в те фонетические положения, где ему препятствовало следующее полумягкое сочетание: *žełbie͡ в мест. пад. являлось под влиянием *žełbъ, вместо *mъlviti — *mъłviti под влиянием *mъłva (сравн. и обратно в старослов. яз. **мльва** рядом с **млъва** при фонетически правильном **мльвите**, **мльвѣше** в Зограф. и Саввин. кн., см. Лекции по фонетике старосл. яз. Ф. Ф. Фортунатова, стр. 149 = 162 по издан. 1919 г.), *gołsie͡ вместо *golsie͡ под влиянием *gołsъ, *gołsa и т. п. Напротив, среднее l из праславянского ł я склонен предположить в качестве вторичного явления в истории южно-словянских языков и отдельных говоров языка русского (сравн. замечания Шахматова о написаниях *ль* в Ипат. лет. и других памятниках XV в., стр. 125).

Говоря в § 212 о переходе полумягких согласных в мягкие в общерусском праязыке, Шахматов разобрал вопрос и о позднейшем отвердении согласных перед исконными *е* и *і* в малорусском яз. и таком же отвердении согласных перед *е* в некоторых великорусских говорах.

Совершенно параллельно с палатализацией Шахматов говорит (§ 214) и о полной лабиализации согласных перед *о*. Ею объясняется дифтонгизация о > u͡o в новых закрытых слогах (вследствие выпадения слабых *ъ* и *ь*) в малорусском и под старым восходящим ударением в ряде великорусских говоров, а по данным, сообщенным в «Белоруссах» акад. Е. Ф. Карским, и в белорусских (Шахм. § 215). Лабиализацией согласных перед у (*ы*) Шахматов объясняет и древние сочетания ky, gy, xy, изменившиеся «в позднейшей жизни русских и некоторых западнословянск. языков» в ki, gi, xi, и переход у в u после губных согласных в некоторых белорусских говорах. Что мы объясняем эти явления дифтонгичностью древнего *ы*, я здесь не буду доказывать. Об отличии нашего взгляда от взгляда А. А. Шахматова на древний звук *ъ*, исконную лабиализованность которого я не вижу основания отрицать, мы уже говорили выше.

Признавая вместе с Шахматовым прарусский переход *е* и *ь* в *о* и *ъ* перед ł из l̯ в сочетаниях el, ьl (§§ 219—221, стр. 132—133),

характеризующийся примерами melko, pelnъ̆, delto, vьłkъ̆, pьłnъ̆ > mołko, połnъ̆, dołto, vъłkъ̆, pъłnъ̆, я, однако, склонен допустить веляризацию *l* и изменение e > ö > ȯ и ь > ъ в положении после смягченных зубных фрикат. и аффрикат. уже на почве общесловянского праязыка, как об этом мною сказано уже выше, а в положении после твердых зубных согласных лабиализацию по крайней мере ь > ъ в связи с веляризациею следующего *l* также уже в эпоху прасловянского языка, считая вслед за Ф. Ф. Фортунатовым западно-слов. dłu-, tłu-, (польск. długi, tłukę) в связи с правописанием наиболее точных по различению ь и ъ старословянских памятников (**длъг-**, **тлък-**) достаточным свидетельством в пользу прасловянск. ъł как из балтийско-словянского ul, так и из балт.-слов. il (см. Лекции Фортунатова по старослов. языку, стр. 146—147 = 160—161 академич. издан. 1919 г.).

Как и в «Исследованиях» 1893 г., Шахматов и в разбираемом нами капитальном труде 1915 г. говорит в §§ 222—223 о переходе *е*, *ь* в *ö*, *ъ̈* под влиянием следующего согласного в эпоху, конечно, более позднюю эпохи изменения полумягких согласных в мягкие (ḿedu > ḿödu, śeło > śöło), а в §§ 224—225 о переходе *е* в *ä* в конце слова (древне-русск. и северно-великор. дворян*я*, бояр*я*, татаро*вя*, ес*мя*, ест*я*, московск. и сев.-великор. *меня*, *тебя*, древне-московск. тобѧ в Дух. 1388, *топеря*, *теперя*, *здѣся* и т. п.). Ново и оригинально для меня представляется предположение о замене закрытого полудолгого ê, являвшегося в общеслов. праязыке будьто бы вместо *е* в положении перед слогом с полукр. гласным, через *ö* полудолгое закрытое по ассоциации его с *ö* из *е* в положении не перед полукратким слогом, откуда позже *ö* долгое закрытое > малорусск. *ӱö*; так объясняются великор. и белор. *мёд* (*мёт*), *тётка*, *нёс*, сев.-малорусск. *мјуод*, *тюотка*, *нюос*.

Далее Шахматов относит к числу явлений общерусского праязыка: 4) изменение je (i̯e) в начале слова в *о* (*о*зеро, *о*динъ, *о*лень, *о*жина), ограничивая его вслед за Ф. Ф. Фортунатовым положением сочетания je перед слогом с гласн. передн. ряда (§ 226—227); 5) изменение сочетания jů (i̯ů) в начале слова в u (*угъ*, *унъ*, *ухá*), § 228; 6) лабиализацию начальных гласных *е* и *а* (приводятся примеры *е* > *о* в за-

имствованных словах, § 231, — *о* вместо *а* в заимствованных собственных именах, § 232); 7) изменение начальных групп or, ol в ro, lo, при чём, на основании малорусского перехода прарусских ro, lo в закрытых новых слогах в ruo, luo > укр. ri, li, предполагается, что прарусск. ro, lo заключали не краткое, а полудолгое *о*; 8) наконец, самое характерное для русского праязыка изменение or, er, oĭ и др. в середине слов (полногласие, §§ 235—250), изложенное подробно с приведением обильных примеров из древних памятников и живых говоров и объяснением отдельных слов, изменившихся контаминацией и народной этимологией (напр., малор. *ожеледь*, олон. арханг. *зародъ* вм. *зородъ*, общерусск. *муравей* вм. *моровей*, ср. *моровиискъ* в Ипат. лет.), а также заимствованных из «древне-болгарского» слов в живом русском языке: великор. *праздник*, *странник*, *враг*, *врач*, *сладкий*, *время*, *дапреж*, малорусск. *ўремя*, *вража матюрь* и друг. Отмечены и измененные контаминацией русской и книжной форм *хорáбрый*, *корачки*, занесенные в великорус. былины и пословицы XVII в., и заимствования из польского языка (некоторые примеры древних памятников, особенно западно-русских, и обычные великорусские *постромка* вместо *постронка*, *острогъ*, *строгий*).

По поводу этих явлений заметим, во-первых, указанную уже выше непоследовательность в отнесении изменения $\frac{or}{ol} > \frac{ro}{lo}$ ко времени отдельной жизни восточно-словянской языковой группы, между тем как то же изменение мы находим в северо-западных словянских языках; непоследовательность я вижу в том, что в начальных главах книги, как мы видели, ряд явлений, общих восточно-словянской и южно-словянской группам, отнесен ко времени более древнему, предшествовавшему отдельной жизни той и другой групп. Древность or > ro и ol > lo, мне кажется, достаточно свидетельствуется указанным самим же Шахматовым количественным отличием гласного *о* в этих сочетаниях от *о*, *е* в специально восточно-словянских torot, tolot, teret, имевших, как показывает малорусский язык, краткие *о* и *е* во втором, вновь образовавшемся на почве восточно-словянской, слоге.

В главе о «полногласии», обнимающей стр. 146—156, мы находим весьма ценную классификацию обильно приведенных примеров по уда-

рению (ого, ере, оło, ôło приводятся в слогах неударяемых и в слогах под нисходящим и восходящим ударением), выделены из массы примеров оło несколько, восходящих не к праслов. ol, а к праслов. el; в § 242а рассмотрено «несколько слов с полногласием, требующих особой оговорки», в § 243 (стр. 152) рассмотрено слово *человькъ*, но примеры датируются из памятников не раньше Ж. Фед. XII в., т. е. пропускается известный пример Изборника 1073 г. (чо-ловѣка 179г6—7). Но в последнем большом труде Шахматова совершенно оставлены без внимания его выводы о возможности сохранения древних tort, tołt без полногласия вследствие праславянского сокращения этих сочетаний и о третьем полногласии, столь обстоятельно развитые в обширной, выше нами рассмотренной работе 1902—1903 гг. Только в §§ 260—262, уже после рассмотрения сочетаний плавных с иррациональными, Шахматов говорит, что ог, ол, ег «при некоторых, недостаточно выясненных условиях» (стр. 158), изменились в сочетания ору, олу, ерi, что такое же олу находим на месте ъl в слове *молынья*, что встречаются примеры *ара*, *ала*, но что значительное число примеров с *оры*, *олы*, *ара*, *ала*..., по значению своему звукоподражательных, именно в виду этого значения не является достаточно убедительным для обоснования звукового закона. Все это высказано нашим ученым совершенно спокойно, без всяких ссылок на свои прежние увлечения.

Отдел IV (§§ 264—334, стр. 161—200) представляет в семи главах описание «звукового состава древне-русского языка», под которым «совершенно условно» понимается язык периода, непосредственно предшествовавшего окончательному распадению русского языка на три наречные группы, южнорусскую, восточнорусскую и севернорусскую. Хотя образование этих трех групп автор относит к эпохе, предшествовавшей появлению письменности и даже сложению Киевского государства, однако, он признает, что долгое время, благодаря особенным политическим и экономическим условиям, не прерывалась внутренняя связь между этими наречиями, вследствие чего при появлении диалектических особенностей отдельных групп не только сохранялись прарусские звуковые и формальные черты (Шахматов останавливается только на звуках), но и происходили некоторые общие всем наречным группам

изменения. Данные древнерусского языка определяются не только путем сравнительного изучения живых восточнословянских, западнословянских и югословянских языков, но и при посредстве тех письменных памятников, которые представляли восточнословянские списки южнословянских, реже западнословянских, оригиналов древнеболгарского языка, или оригинальные восточнословянские произведения на том же языке, естественно переработанные в своем правописании согласно с восточнословянским произношением, а потому отражающие на фоне церковнословянском как общие восточнословянские звуковые, частью и формальные отличия, так и черты диалектические. С такими общими руководящими взглядами рассматривает Шахматов в I-й главе гласные звуки и их сочетания, во II-й — согласные и их сочетания в древнерусском языке. Весьма интересны замечания о переходе ść в śḱ «на звуковой почве, если предположить, что ḱ заменило ť в сочетании śť из ść» (стр. 176, § 306) на основании великорусских примеров *роскѣпъ*, *проскѣпъ* > — *скеп-* в памятниках (Палея, Лавр., Ипат. и Радзив. лет.) и говорах, малорусск. *скіпати* и белорусск. *скепать*, *оскёпок*, а также весьма древних примеров суффиксального *-скъ* в южнорусских памятниках (*женьскъ* Сб. 1073, то же *-скъ* в Жит. Бор. и Гл., Ж. Кодр., Христ. Апост. и других). На то, что «самые ранние примеры сочет. *къ* (вм. *цъ*) принадлежат специальному случаю, когда сочетанию *къ* предшествует... *с*», и что «причина... *скъ* заключалась не настолько в аналогической притягательности прочих падежей, насколько в отвращении к *-сц*», давно указано уже академиком И. В. Ягичем («Крит. заметки по истории русск. языка» 1889 г., стр. 79). Параллельно Шахматов указывает и другое изменение -ść > šč: *щѣпка* из **сцѣпъка* (на первоначальное *ѣ* указывает среднерусское и общерусское, московское, произношение *щéпка*, не *щóпка*), сравн. также давно отмеченные Ягичем (Кр. зам. 66) *Витебьще*, *Смоленьще* в рижской грамоте около 1300 г. (Русско-ливонские акты, собранные Напьерским, Пб. 1868, № XLIX, стр. 26). В главе III-й Шахматов рассматривает дифтонгические, в IV-й недифтонгические сочетания согласных с гласными, в V-й — количественные и акцентные отношения, в VI-й — некоторые звуковые законы,

действовавшие в древне-русском языке, наконец, в VII-й — дает дополнительные замечания о древнерусской графике (о значении буквы *ч* в сочетании *жч*, о выражении мягкости согласных и употреблении **ѧ** и **ѥ** иногда после шипящих и вообще согласных, о выражении мягкости согласных помощью буквы ъ, стр. 195—200).

Отдел V посвящен важному вопросу о «падении глухих и полукратких гласных», при чём в I главе (§§ 336—337) говорится о частичном переходе ъ и ь в *о* и *е*, также в *а*, *ы*, *і* под влиянием следующего слога. Здесь отметим в особенности объяснение русской формы *серебро* из *сьребро*, при чём в этой, уже в Сб. 1073 г. встречающейся форме, вопреки древнемалор. **срѣбро** (Пут. ев.) и чешск. stříbro, Шахматов видит явление параллельное с *зълоба* > *золоба*, уже в нескольких примерах отмеченным в Сб. 1073 г. Но **срѣбро** можно найти не только в южно-русских памятниках (Добрил. Ев. **срѣбрьникъ** 215⁶, но **сребрьникъ** 212ᵃ, Галицк. Ев. 1266, Пут. Ев. и друг.), но и в севернорусских (Мин. 1096 г., Еванг. 1215 г., Жит. Нифонта 1219 г.). И почему эта форма должна восходить к ***сьрѣбро**? Не указывает ли чешская ф. stříbro на древнейшую ***срѣбро** из праславянск. **сербро* (*serbro), как побочной формы рядом с праслов. *sъrebro и *sьrebro? Ведь и формы балтийских языков представляют варианты: литовск. sidābras и лотышск. sudrabs при готск̣ом silubr. Чехо-словацкая форма *сръбро* могла быть заимствована южно-русскими племенами, но из южнорусских памятников занесена и на север; малорусск. *срібло*, конечно, восходит к ней. Таким образом, соглашаясь с Шахматовым в том, что *сръбро* появилось в южной Руси, мы сомневаемся, чтобы оно восходила к **сърѣбро*, как сомневаемся в происхождении формы *ѥребро́* (и *сѣребро*) из **сьребро*, считая восточнославянскую полногласную форму отличной по происхождению от старославянской формы **съребро** и **сьребро**.

Весьма интересны соображения и выводы Шахматова о существовании ъ и ь в древнерусском яз. XI — XII в. на основании изучения правописания древнерусских памятников и сравнения его с правописанием памятников старославянских южнославянского письма, подобные которым между прочим были оригиналами древнерусских. Среди этих оригиналов

несомненно были и такие, которые, подобно Мариинскому еванг. и некоторым другим, имели *о* и *е* на месте *ъ* и *ь*, а также знали пропуск слабых *ъ* и *ь*; вследствие этого мы в праве признать действительную замену глухих чистыми гласными или иррациональных полными по количеству только в тех древнерусских памятниках, которые имеют *о* и *е* вм. *ъ* и *ь* в известных сочетаниях этих гласных с плавными, т. е., напр., *полнъ*, *верхъ* вм. *пълнъ*, *вьрхъ*, так как южнословянские оригиналы имели только *плънъ* — *пльнъ*, *връхъ* — *врьхъ*, т. е. знали лишь неслоговые иррациональные гласные в положении после слоговых плавных. В § 344 Шахматов отмечает «искусственное церковное произношение», прививавшееся болгарскими учителями своим русским ученикам, благодаря которому они писали *о* и *е* на месте *ъ* и *ь* в случаях, где живой язык ни учителей, ни учеников не давал основания для такого прозношения, ибо в первом только «краткие» (т. е. сильные) *ъ* и *ь* заменялись звуками *о* и *е*, второму же эта замена вообще была чужда в X—XII в. Имея в виду такие несомненно искусственные написания, как *весѧ* вместо—*вьсѧ*, неплодове вм.—*ъве*, *къ монѣ* вм.—*мънѣ*, Шахматов справедливо считает возможным признать искусственными и такие, в которых, как напр. формах твор. ед. млѣ*комь*, крьст*омь*, или как наречие дь*несь*, позднейший язык действительно имел гласные *о* и *е*. Во многих памятниках (Стих. 1157 г., Гал. ев. 1144, Христиноп. ап. XII в.) Шахматов находит также искусственный пропуск *ъ* и *ь*. Напротив, в памятниках русского происхождения Шахматов находит выдержанное употребление глухих (в житиях Феодосия и Бориса и Глеба в Усп. Сб. XII в., Мстислав. грам. 1130 г., Русск. Правде 1282 г., во второй части 1-й Новгородск. лет. по Синод. списку и друг.).

Рассмотрение написаний новгородских грамот, даже частных, и новгородской летописи с правильным употреблением *ъ* и *ь* приводит Шахматова к заключению о сохранении глухих в новгородских говорах первой половины XIII в.

Вопрос о «падении полукратких гласных», изложенный Шахматовым в главе IV (с. 217—229), позволяет привести много примеров тех фонетических изменений, которые произошли в отдельных словах, и представить, таким образом, интересные этимологии некоторых слов: здесь

находим не только давно известные формы слова *тьсть* — *цти*, *цтя*, *стя*, *пчела*, *мчела*, *бджола* из **бъчела*, *склянка* из **стъклянъка*, *чанъ* из **дъщанъ*, *Брянскъ* из **Дъбрѧньскъ*, *стобка*, *стебка*, *стёпка* из **истъбъка*, **истьбъка* и друг. (см. Соболевского Лекции по истории русск. яз.[4], с 111 — 113), но и объяснение неясной до тех пор формы *не джи* Русск. Пр. 1282 г. и глагола *уджать* «быть в состоянии сделать что нибудь» в архангельском наречии (*дъжь* — *дъжа*, прилагат., «твердый, правоспособный»), а также многих собственных имен рек и селений, напр., *Нѣпръ* из *Дънѣпръ*, *Цна* из *Тьсна*, *Пра* из *Тъпра*, *Стебёнокъ* = *Истобное* в Нижнедев. у. Ворон. губ. (Шахматов, стр. 219 — 221). В отличие от мнения А. И. Соболевского (Лекции, стр. 159 и 251), Шахматов, говоря о сокращении конечных *i̯* (§ 360, стр. 222 — 223), к числу случаев такого сокращения относит не только формы энклитических частиц *ль* < *ли*, дат. ед. *мь*, *ть*, *сь* < *ми*, *ти*, *си* (Соболевск. Лекции, 96 — 97), но и формы *мать* (*мат'*) и *дочь* вм. *мати* и *дочи*, и формы повелит. *украдь*, *оставьте*, *будь* и проч., и формы 2 л. ед. ч. наст. вр. (*можешь*), и формы неопредел. накл. на *т'* (*-ть*), объясняемые Соболевским морфологически (Лекции, стр. 97, 251, 159, 257). Весьма интересны замечания о выпадении *ў* (краткого *ы*) перед *i̯*, чем объясняет Шахматов (§ 363, с. 225) и малор. формы им. множ. прилагат. *добрі*, *милі* с твердыми согласными перед *і* и великор. ф. имен. ед. муж. р. причастия на *лъ* в соедин. с ф. вспомог. глаг. *вѣдале* (Варл. Хут. ок. 1200 г.), *дворъ погорѣле* (Новг. 1392), *имале* (Двин. XV в.), и формы *стрья*, *стрью* вместо *стръя* Ипат. лет. и Поуч. Ефр. Сир. и друг. (стр. 226).

Много интересного представляет и V глава о «падении неслоговых *ъ* и *ь* в положении за слоговыми плавными» (с. 229 — 243), что̀, впрочем, достаточно подробно разобрано в сочин. автора «К истории звуков русск. яз.». Здесь найдем объяснение путем замены слоговых плавных неслоговыми и общерусск. изменения ńösł̥ъ̯ > ńösł > ńös (*нёс*, укр. *нїс* из ńȫs) и многих диалектических явлений великорусских, белорусских и малорусских говоров (известн. развитие гласных *а*, *о*, *і* перед начальн. плавными в положении перед *ъ* или *ь* + согласн., развитие ry, ły, ŕi, ĺi из слоговых плавных в западных и югозападных

наречиях, развитие новых гласных перед плавными внутри слов, выпадение неслоговых плавных и проч.). Отмечу, что изменения *крьстити* > *кстить* и *Пльсковъ* > *Псков*, подобные которым обильно отмечены в малорусской и белорусской областях, Шахматов совершенно отрицает в качестве фонетического явления в великорусском наречии, считая формы *кстить*, *кстины*, *Кстово* (сравн. село в Нижегор. губ. и у.) занесенными на север из южнорусского наречия (стр. 240 — 241), и нормальным для северно- и восточно-русских наречий признает лишь изменение гъ > го, ґь > ґе, lь > le и т. п. Интересно, что и не объясненное до сих пор великорусск. и общерусск. литер. *трóгать*, *не трожь* Шахматов, объясняя его из *тръвог-* и проч., при нормальном великорусск. *тревóга*, *тревожь*, склонен считать белорусским или малорусским по происхождению, перешедшим в великорусское наречие и книжный русский язык. Обращу еще внимание на то, что, в отличие от сказанного на стр. 153, где слово *муравéй* из *моровей* объяснено влиянием слова *мурава*, как и в курсе «Общее языковедение» А. И. Томсона стр. 347, здесь на стр. 243 *муравей* выводится из праслов. *mъ̑ravii, как побочной формы при *morvii.

Глава VI — «переход кратких глухих в гласн. полн. образования». Обратим внимание на то, что Шахматов отмечает изменение гъ, гь, ґъ, ґь в открытых слогах въ го, ґе, ґо, ґе в севернорусском и части восточнорусского наречий со ссылками на памятники Новгор. письма XII — XIV в., объясняя редкие диалектические примеры такого перехода в живых малор. и белор. говорах «аналогией» положения в слогах перед слогом с полукраткими гласными или в слоге ударяемом (стр. 246).

После разбора ряда случаев опущения *о*, *е* из ъ, ь в сильных положениях под влиянием родственных форм и обратно Шахматов в §§ 394 и 395 (стр. 254 — 255) останавливается на таких, которые, по его мнению, следует приписать заимствованию из книжного, ц. словянского языка, напр. *уповати* вм. ожидаемого *упвати* (сравн. *оупва* в Ев. XIII в.), *тощеты* (Юр. Сб. XIV в.), *забовенъ* Псалт. 1296 г., *мовенье* Лавр. 6 и соврем. литер. *умовеніе* и т. п., *сочетаніе* (сравн. **сочтлкться** Кормч. XIII в.), *вертепа* (ср. *верътъпъ* Добрил. 236°) и мн. друг.

Интересно, что, говоря о замене конечных ъ, ь, Шахматов в § 397

(стр. 256) уже отказывается от фонетического объяснения *е* в сев.-в. русск. *есте*, приписывая его влиянию форм *иде, несе* и т. п., *о* в *плуго* (северн. грам. XVI в.), в личных именах *Петро, Дніпро, Волхово* и т. п., считая их «особыми образованиями», и *е* в имен. ед. *Варламе, Смене, Петре*..., признавая эти формы «вслед за А. И. Соболевским» зват. над. ед. ч., а *е* в парицательных (*морозе*) склонен объяснять графически; неясным, однако, остается и для него *останъке* Новгор. 1-ой летописи.

В дальнейшем в той же главе находим рассмотрение случаев «опущения исконных *о, е* под влиянием» (*льда, плетня, потолка*, § 398), чередование *у* с *ъ*, *і* с *ъ* в положении перед *ї* и переход *ъ* и *ь* в таком положении в *о* и *е* (*ъї* > *оі*, *ьї* > *еі*), §§ 399 — 402, чередование *е* и *і* после гласных (*заéм* и *заíм*, *яéц* и *яíц* и др., § 403 — 404, судьбу *ї*, *ȳ* перед *j* и чередование *ї* с *і*, *ь*, изменение *ъ* в *у* в предлогах (*кы йгнату, кы двару*, § 408), редукцию и утрату *о* и *е* в слабоударяемых словах (*мишь, лиш, прочь, для*, § 410).

Глава VIII посвящена «графическим явлениям в памятниках, вызванным падением глухих» (§ 411 — 415, стр. 267 — 270), т. е. смешению букв *ъ* с *о*, *ъ* с *е*, при чём отмечено и употребление *е*, *ѥ* в значении *і̯* на ряду с опущением буквы *и* в значении *і̯*.

Важные «звуковые последствия падения глухих» составляют предмет обширной IX главы (§§ 416 — 437, стр. 271—286). Конечно, здесь рассмотрены и удлинение гласных в слогах перед сочетанием с утраченным полукратким гласным, и удлинение плавных (второе полногласие) в таком же положении, иллюстрированное массою примеров из древнерусских памятников и живых говоров северных, юговосточных и югозападных (§ 421 — 427).

Отдел VI. «Древнерусские наречия» представляет (стр. 287—354) обозрение древнейших диалектических отличий нынешних говоров северно- и южно-великорусских, белорусских и малорусских с историческим освещением их (обильные примеры приводятся и из древних письменных памятников, и из живых говоров), на основании которого является возможность начертить картину особенностей древних наречий южнорусского, севернорусского и восточнорусского. В главе I рассмотрены

«древнейшие диалектические явления», общие говорам разных групп (чередование v, w и u̯, g, γ и h, dž и ž, dz и z). В главе II явления южнорусские (дифтонгизация *o*, *e*, *ŏ*, изменение *i̯* в *j* после соглас., ł > u̯ в конце слога, придыхательный приступ перед начальными гласными, переход ky, gy, xy в ki, ǵi, x́i), в главе III явления севернорусские (смешение *ч* и *ц*, диалектич. отвердение конечн. *t́* в 3 л., изменение сочетаний šč и žž (= ž͡dž), диалектич. изменение *ѣ* в *i* и друг.), в главе IV рассмотрены, явления восточнорусские» (редукция неударяемых гласных *a*, *o*, *e* и друг.), наконец в главе V говорится «о древнейших явлениях, общих севернорусскому и великорусскому наречиям» (переход *yi̯* в *oi̯* и т. п.).

Таково содержание самого обширного лингвистического труда Шахматова. Он является настольною книгою для всякого, занимающегося историею звуков русского языка: нигде мы не найдем такого тщательного исследования истории звуков русского яз. по памятникам и данным живых говоров, такого подробного восстановления эпох общесловянского и общерусского праязыков и древнейших наречий северного, восточного и южного, которые везде тщательно отмежеваны от образовавшихся позднее, частью как прямое продолжение их, частью как результат совершавшегося в историческое время скрещивания благодаря общественно-политическим причинам, языковых групп великорусской (с подразделением, унаследованным из древнейшего периода), малорусской и белорусской.

Но, как заявил сам автор в «Предисловии», «предлагаемый труд выполняет лишь часть намеченной программы» (стр. 1), которая по плану «Энциклопедии славянской филологии» должна была осуществить составление очерков истории звуков наречий великорусского, белорусского и малорусского и «исторических очерков морфологии и синтаксиса русского языка».

Теперь мы должны обратить внимание на те исследования, статьи и рецензии акад. Шахматова, которые имеют задачей разрешить сложный вопрос об образовании русских наречий и русских народностей, интересовавший нашего ученого и в молодых годах, в последних десятилетиях XIX столетия, и в годы его наибольшей научной продуктивности,

в течение всех двадцати лет XX столетия, до столь преждевременно и внезапно для всех почитателей А. А. Шахматова последовавшей кончины его: такова маленькая статья в «Русском Филолог. Вестнике» 1894 г., обширная с широким историческим основанием в Ж. М. Н. Пр. 1899 г., статьи «Южные поселения вятичей» (в академич. «Известиях» 1907 г.), об «Украинской грамматике» Крымского (в «Rocznik slawist.», t. II, 1909, 135—174), «Несколько заметок об языке псковских памятников XIV—XV вв.» (Ж. М. Н. Пр., н. сер. XXII, 1909, № 7, отд. 2, стр. 105—177), «К вопросу о польском влиянии на древне-русские говоры» (Русск. Фил. Вестн. 1912 г.), «Введение» к разобранному нами «Очерку древн. пер. истории русского языка» (Петр. 1915 г., стр. III—L), «Введение в курс истории русск. яз.» (изд. Студ. Издат. Ком. Петр. Универс. 1916 г., 146 стран.) и, наконец, изданные Русск. Истор. Журналом в Петр. 1919 г. «Древнейшие судьбы русского племени» (64 стр.) и некот. друг. Параллельно Шахматов дал сжатые очерки истории русского языка и происхождения русских наречий в Энциклопедическом словаре Брокгауза и Эфрона 1899 года (т. XXVIII, стр. 564—581 убористой печати), и в «Истории русской литературы» под ред. Грузинского, Овсянико-Куликовского и Сакулина (Москва, 1916 г., стр. 39—63), при чём в последней находим не только всегда занимавший Шахматова «вопрос об образовании наречий», но и «очерк основных моментов развития литературного языка», а также «Краткий очерк истории малорусского (украинского) языка» в сборнике «Украинский народ в его прошлом и настоящем» (Петроград, 1916 г., стр. 664—707) и статью «До питання про початок української мови» (Україна, 1914 г.).

Из лингвистических рецензий последнего периода научной деятельности Шахматова особенно отметим рецензию на книгу проф. Эндзелина «Славяно-балтийские этюды» в «Изв. Отд. русск. яз. и слов. А. Н.» 1912 г., т. XVII, кн. 1, стр. 281—290, и на сочинение Д. К. Зеленина «Великорусские говоры с неорганическим и непереходным смягчением задненебных согласных» в Изв. Отд. русск. яз. РАН 1915 г., т. XX, 3, стр. 332—358. Попутно продолжались диалектологические изучения, в которых особое внимание уделено было Шахматовым сле-

дам различия древних праславянских восходящего и нисходящего ударений в области великорусских говоров, отмеченным раньше норвежским славистом Олафом Броком в его «Описании одного говора из юго-западной части Тотемского уезда» (СПб., 1907 г.). Таково «Описание Лекинского говора Егорьевского уезда Рязанской губ.», посвященное Алексеем Александровичем проф. Олафу Броку, в «Изв. Отд. русск. языка А. Н.» 1913 г., XVIII, 4, стр. 173—220, таковы «Диалектологические материалы, собранные В. И. Тростянским, И. С. Гришкиным и друг.» (Петр., 1916 г., Сборн. Отдел. русск. яз. и слов. А. Н., т. XCV, № 1, стр. 1—158). В то же время Алексею Александровичу пришлось исполнять тяжелый долг по отношению к своим умиравшим во время последней войны учителям и старшим по возрасту коллегам: им написаны обстоятельные некрологи академиков Вс. Ф. Миллера (Изв. А. Н. 1914 г., № 2), Ф. Ф. Фортунатова (Изв. 1914 г., № 14), В. Н. Ламанского (Изв. 1914 г., № 18), Ф. Е. Корша (Изв. 1915 г., № 5). Всегда уделяя большое внимание украинскому вопросу, А. А. помянул добрым словом деятельность известного исследователя малорусской диалектологии К. П. Михальчука («Укр. Жизнь», 1914 г., апр.), а интерес и симпатии к сербам и хорватам он проявил не только в своих исследованиях сербско-хорватских ударений, но и в напечатанных в Отчете Отдел. русск. яз. и слов. за 1915 г. некрологах известных южно-словянских ученых Стояна Новаковича и Перо Будмани, бывших членов-корреспондентов Российской Академии Наук.

Сущность взглядов Алексея Александровича на происхождение русских наречий в его работах XIX столетия имела исходным пунктом исконное доисторическое деление всей восточнословянской языковой семьи на две группы — западно-русскую, из которой позднее развилась группа малорусская, и восточно-русскую, давшую позднее группы великорусскую и белорусскую. Это деление проводится красною нитью при исследовании истории гласных, представляющей содержание «Исследований в области русской фонетики» 1893 г. При этом древний Киев признается вслед за А. И. Соболевским восточнорусским городом, переставшим быть таким лишь после нашествия татар, содействовавшего падению и опустению юговостока и возвышению северовостока. Об

этих перемещениях и о делении восточнорусской группы на племена северовосточные и юговосточные более обстоятельно говорится в статье «К вопросу об образовании русских наречий» 1894 г. Но в статье «К вопросу об образовании русских наречий и русских народностей» 1899 г. Шахматов уже приходит к заключению о доисторическом распадении русского языка на 3 группы говоров — северно-русскую, средне-русскую и южно-русскую (стр. 7—8), с подразделением среднерусской на западную и восточную ветви, а южнорусской на северную и южную. Шахматов говорит о вятичах, радимичах и дреговичах, как племенах западной ветви среднерусской группы, о северянах, как о восточной ветви этой группы. О ляшском происхождении радимичей и их соседей здесь еще нет речи. Но весьма важно, что здесь уже определенно Шахматов говорит о полянах вместе с древлянами, как составной части северной ветви южнорусской группы (стр. 23), предполагая, однако, смешанный характер киевского населения: не имея основания не признать киевского населения южно-русским, он допускает, что «в самом городе оно было значительно разрежено другими русскими племенами и всего вероятнее северянами» (стр. 25), влиянию которых он приписывает и «смешанный характер киевского говора», отразившийся на словарном составе наших киевских летописей (*истъба, истъба, лошадь*[1]). Северянам здесь Шахматов приписывает огромное колонизационное и культурное значение, относя на их счет не только заселение Черниговской, Курской и Рязанской областей, но и словянское население древней Хазарии и Тмуторокани. Вятичам он здесь не придает широкого культурного значения. Не то мы видим в его трудах 1915 и 1916 гг. (двух «введениях» в историю русского языка) после статьи о южных поселениях вятичей (1907 г.), помещенных им в связи с его исследованиями текста летописей предположительно гораздо южнее бассейна реки Оки, в котором помещает их текст дошедших до нас списков, а именно в бассейне Дона: предполагается, что именно они

[1] Заметим, что исключительно восточно-русский (прототип великорусского) характер этого заимствованного из татарского языка слова едва ли возможно признать после дельных замечаний А. Е. Крымского в статье «Древне-киевский говор» в Изв. Отд. русск. яз. и слов. РАН, т. XI, 3 (1906 г.), стр. 389.

были тем словянским населением, о котором говорили арабские писатели VIII—IX вв., и что им принадлежала колонизация юго-востока русской равнины. Таким образом, значение, приписывавшееся Шахматовым в 1899 г. северянам, как главным колонизаторам юго-востока России, теперь передается вятичам, северяне же уже в рецензии на украинскую грамматику акад. А. Е. Крымского признаются южно-русским племенем, одним из предков современных украинцев (Rocznik slawist. t. II, 1909, стр. 140). Отнесение северян к южной группе находим и во «Введении в курс истории русск. яз.», стр. 100, и во «введении» к «Очерку древн. периода истории русск. яз.», стр. XXIII. Более сдержанно, без разделения на группы, изложен вопрос о расселении восточных славян по летописи и Константину Багрянородному в сочинении «Древнейшие судьбы русского племени», главе 3-й. Но, вопреки сочинениям 1907—1916 гг., в соч. «Древн. судьбы»... 1919 г. Шахматов решительно говорит о западно-словянском происхождении не только радимичей, но и вятичей, следуя в этом за летописцем («бяста бо 2 брата въ лясѣхъ, Радимъ, а другий Вятко...»). Вопрос о западно-словянском вторжении в среду восточных словян, которое в сочинении «Древн. судьбы» связывается с падением аварской державы под ударом войск Карла Великого (стр. 25 и 37), занимал А. А-ча и в более ранних трудах, в статьях «Древние ляшские поселения в России» (Славянство, 1911 г.), «о польском влиянии на древне-русские говоры» (Р. Ф. В. 1913 г.) и друг. Западно-словянским влиянием А. А. объяснял некоторые особенности древне-русских, а частью и современных северных и средних говоров (псковское *гл*, *кл* из *дл*, *тл*, северно-великорусское и древне-русское новгородско-псковско-смоленское смешение *ц* с *ч*, псковское смешение *ж* с *з*, *ш* с *с*, белорусское дзеканье и даже белорусскую утрату мягкого *р*). Конечно, возможно объяснять указанные черты и не западно-словянским влиянием на вполне отделившиеся уже говоры восточных словян, а иначе, т. е. или самостоятельным развитием, как это высказано акад. Е. Ф. Карским, напр., о белорусском дзеканье (Белоруссы, т. I, стр. 165—168, II, 1, 1908 г., стр. 435), или предположением в словянском праязыке переходных говоров от западнословянского к восточнословянскому типу, как это вы-

сказал акад. А. И. Соболевский о древне-псковском *гл, кл*, впервые отмеченном Л. Л. Васильевым и Н. М. Каринским, в Русск. Филолог. Вестн., 1909 г., №№ 3 и 4 (т. LXII), стр. 233. В словянском населении бассейна Дона и крайнего юговостока (Тмуторокани) в последнем своем труде Шахматов уже не предполагает ни вятичей, ни раскинувшихся далеко на юго-восток от указанного летописцем их первоначального места поселения (в бассейнах Десны, Семи и Сулы) северян. Напротив, определенно высказываясь за западнословянское, «ляшское», происхождение вятичей со ссылкою на передачу их имени арабско-персидским писателем Гардизи с носовым (vantît), в чём А. А. видит польское wętic соответственно восточно-словянскому wjatič («Расселение вост. словян», стр. 38), Шахматов предполагает «ограниченность горизонта летописца... при разрешении вопроса о юго-востоке соврем. России, о бассейне реки Дона», где «летопись совсем не указывает... восточнословянского населения», несмотря на «прямые и косвенные доказательства в пользу предположения, что на Дону сидели во времена хазарского владычества славяне» (Др. судьбы, стр. 33—34), следовательно, признает существование донской восточнословянской ветви, неизвестной летописцу, как на основании свидетельств арабских писателей, так и, вслед за И. И. Срезневским, на основании имеющихся в бассейне Дона и у Азовского моря русских (словянских) названий рек (Др. Судьбы, стр. 34).

Весьма важным считаю то, что, вопреки ранее господствовавшему мнению об образовании крупных диалектических делений ранее мелких, Шахматов совершенно разрушил это прямолинейное предубеждение и, признавая существование древнейших диалектических различий в языке восточных словян, распределяя их на группы южную, восточную и северную, лишь с XII века отмечает явления, характерные для образующейся малорусской, еще позднее — для вновь образовавшейся из соединения вокруг Москвы древних восточной и северной групп великорусской группы. С этой точки зрения явления диалектические, свойственные отдельным частям малорусского языка, могут быть более древними, чем общемалорусские особенности, явления северно-великорусские (древние северно-русские) и южно-великорусские (восточно-

русские) — более древни, чем общевеликорусские. Следует отметичи также, что огромное значение в своих построениях происхождения т развития языков Шахматов придает социальным, государственным и экономическим причинам, содействовавшим соединению разрозненных ранее племенных групп. В силу этих причин великорусская народность признается образовавшеюся из соединения северных «словен» и кривичей с юговосточною донскою Русью при участии, может быть, и северянских колоний, которым в 1899 г. Шахматов, как мы видели, придавал большое значение в образовании великорусской народности, а также вятичей и, может быть, еще каких-либо не названных летописцем западно-словянских племен; белорусская же производится из соединения продвинувшихся на север южнорусских древлян, дулебов и дреговичей с выселившимися от ляхов радимичами и южною отраслью севернорусских кривичей и западною восточнорусского племени, в котором Шахматов в разные периоды своей научной деятельности видел то северян, то вятичей, то отпрыски неизвестных летописцу донских словян. Древнейшие черты белорусского языка оказываются общими в большинстве с малорусскими (сохранение *ы*, *и* перед i̯: *мы́ю*, *ши́я*, сохранение разницы в судьбе *ъ*, *ь* сильных и слабых в положении после плавных, большая часть морфологических черт — сохранение остатков двойств. числа, *и́*, *з* и *с* в формах дат. и местн. ед. ч.: ра*цѣ́* (т. е. *реке́*), на*зѣ́*, образование форм повелит. и друг., в меньшинстве — с великорусскими (сохранение разницы между древними *ы* и *и*, мягкость согласных перед *е* и *и*), позднейшие — общи частью с южно-великорусскими (аканье), частью с польским языком (дзеканье и утрата мягкого *р*).

Весьма ценною в методологическом отношении является критическая статья по поводу книги Н. М. Каринского «Несколько заметок об языке псковских памятников XIV—XV в.» (Ж. М. Н. Пр. 1909, № 7, 2, стр. 105—177). В ней наиболее ярко выразились как огромная начитанность А. А-ча в обширном рукописном материале древних словяно-русских памятников, так и уменье найти их взаимную связь, зависимость одних от других. Здесь Шахматов является не только лингвистом, но и талантливым критиком-филологом, знатоком истории русской письменности, умеющим разгадать те сложные пути, которые пройдены памят-

ником при переписке среди различных национальных и культурных влияний, пока он не получил внешнего вида, непосредственно доступного нам в дошедшей до нас рукописи. Упрекая Н. М. Каринского в излишнем доверии к графике рукописей при характеристике «языка Пскова и его области в XV веке», А. А. доказал путем строгого анализа, что многие особенности правописания, истолкованные Каринским как выражение живого языка псковских переписчиков, являются только передачею или южнословянских — болгарских и сербских оригиналов, или западно-русских посредников между словянским югом и Псковом. Конечно, в отдельных замечаниях Шахматова по поводу книги Каринского возможны увлечения в предположении графических влияний южнословянских оригиналов и в отрицании принадлежности языку северо-западной Руси некоторых особенностей правописания, как это мне казалось, когда я, уже имея в руках рецензию Шахматова, писал свой критический отзыв о книге Каринского по поручению Отделения русск. яз. и слов. А. Н. (напечат. в Сборнике отчетов о премиях и наградах за 1909 г., СПб. 1912). Несмотря на огромную помощь, оказанную мне рецензией такого редкого знатока и проницательного критика, каким был покойный А. А., мне пришлось иногда возражать и не соглашаться с его замечаниями, напр. по поводу случаев *е* вместо *я* и обратно в древне-псковских рукописях. К сказанному мною в отзыве о книге Каринского я прибавлю, что мне кажется совершенно напрасным высказанное Шахматовым сомнение в обычности слова «паробок» в северной Руси («Несколько замет. об яз. пск. пам.», стр. 174): ведь знает же это слово уже синодальный список 1-ой Новгородской летописи XIII — XIV в.: «**и биша иванка паробчи поса | дници.**» (220 стр. фототип. изд. Арх. Ком. под 6738 = 1230 г., *ч* вм. *ц* и *ц* вм. *ч*). Думаю, что это слово было вполне обычно и в древнем Новгороде и соседних с ним северно-русских местностях, и нет основания считать его исконною принадлежностью только юго-западной Руси. Конечно, остается вопросом, как попало это слово в древний Новгород, не пришло ли оно туда из западнословянских языков (сравн. чешск. parobek «Jungling», «Sclave», польск. parobek, parobczak «батрак, работник, крестьянин», см. словари чешск. Шумавского-Ранка, польск. Дубровского, Богушевича и друг., но малорусск. **па́робок*,

па́рубок преимущ. в знач. «молодец, парень» и лишь отчасти — «наемный работник», см. Слов. укр. мови Грінченка), но этот вопрос стоит в связи с общим вопросом о происхождении новгородских «словен» от западных словян, решение которого поставлено в интересной статье также безвременно скончавшегося, к великому сожалению всех знавших и ценивших его научную деятельность, Н. М. Петровского в посвященном памяти А. А. Шахматова XXV томе «Известий Отдел. русск. яз. слов. РАН» 1920 г., стр. 356 — 389. Петровским сделано много интересных параллелей языка 1-ой Новгор. летописи и особенностей западнословянских языков, и большой интерес представляют его указания в области словаря и словообразования, так как фонетические черты, разбиравшиеся и Соболевским и Шахматовым и другими, могут быть объяснены различно.

Мне бы следовало еще изложить взгляды Шахматова на прародину, древнейшие судьбы и разделение словянства, но они слишком хорошо известны всем славистам, о них писали и Kas. Buga («Kann man Keltenspuren auf baltischem Gebiet nachweisen?» R. Sl. VI, 1 — 38) и М. Р. Фасмер («Kritisches und Antikritisches zur neueren slavischen Etymologie», R. Sl. VI. 172 — 214), проф. Г. А. Ильинский («Проблема праслав. прародины в научном освещ. А. А. Шахматова», Изв. Отд. р. яз. XXV, стр. 417 — 436), П. А. Бузук («Взгляды ак. Шахматова на доисторич. судьбы словянства», Изв. Отд. русск. яз. АН, XXIII, 2, стр. 150—179, II. 1921) и другие. Скажу лишь, что при всей гипотетичности мнений А. А-ча о прародине словян, о их связях с кельтами и отдаленности в древнейшее время от иранцев, от которых их будто бы отделяли финны, можно удивляться той громадной эрудиции, которую проявил Шахматов в своих статьях о словяно-кельтских (Archiv f. sl. Phil. 1911) и словяно-финских отношениях. Весьма важно, что Шахматов положил твердое основание научному изучению восточно-финских языков изучением мордовского языка и изданием «Мордовского этнографического сборника» (СПб. 1910) за год до появления его исследований «о финско-кельтских и финско-славянских отношениях» в Изв. РАН 1911 г., в которых он, несомненно, воспользовался собранными им с помощью учителя церковно-приходской школы мордвина Учаева в селах Оркине

и Сухом Карбулаке Саратовского у. материалами (стр. 1 — 666), помещёнными в сборнике, при чём в приложении III (стр. 721—842) Шахматов дал научно составленный им «Очерк звуковых особенностей и краткую морфологию Сухокарбулацкого и Оркинского говоров», правда, ознакомившись предварительно с книгою Паасонена «Mordvinische Lautlehre» (Helsingfors, 1903), которая, как он замечает в предисловии, стр. VIII, помогла ему разобраться в некоторых вопросах фонетики; несомненно, однако, что научная обработка материала сделана А. А-чем самостоятельно, что̀ видно из тех выводов, которые сделаны им об ударении и ослаблении неударяемых гласных. Выводы о судьбе неударяемых гласных в общемордовском праязыке (§ 99, стр. 761) чрезвычайно интересны для историка русского языка при решении вопроса о редукции неударяемых гласных в великорусских говорах. Если бы изучение финских, в частности мордовского, языков Шахматов начал еще в начале своей научной деятельности, по крайней мере до 1900 г., возможно, что он успел бы воспользоваться результатами своих наблюдений при решении вопроса о великорусском аканье. Но научная осторожность нашего лингвиста не позволила ему легкомысленно отнестись к делу и удержала его от поспешных сближений. Разобраться в сложном материале и выделить из числа заимствованных финнами, в частности Мордвою, слов арийских языков заимствования специально иранские, арийские и праарийские мог только ученый, обладающий гениальною способностью к анализу самого сложного материала и к столь же блестящему синтезу.

Не буду разбирать известной гипотезы А. А-ча о прибалтийской прародине еще не разделившегося на ветви праславянского племени, но повторю сказанное мною выше при разборе главного лингвистического труда его, «Очерка древнейш. пер. ист. русск. яз.»: ни фонетические, ни морфологические исконные восточно-словянские (= прарусские) черты не дают основания к восстановлению дуалистической теории, автором которой был патриарх словяноведения Иосиф Добровский, — теории, кладущей исходною точкой всех последующих разветвлений словянства его древнейшее деление на ветвь северозападную и юговосточную (по Шахматову на две группы: группу *западных языков* и группу *южных и восточных языков*, Введение, стр. 42). Выше, кроме из-

вестных фонетических явлений, исконно общих восточно-словянской ветви с западно-словянскою, я привел и несколько морфологических и лексических, дополняя сказанное П. А. Бузуком в Извест. Отдел. русск. яз. и слов. РАН, т. XXIII, 2, стр. 162.

Заканчивая обозрение лингвистических трудов ак. Шахматова, мы видим, что все они почти ограничиваются фонетическими исследованиями в области словянских, частию финских языков, при чём исходною точкою исследований, имеющих целью восстановить постепенную эволюцию языка, являются наблюдения живого произношения, изучения диалектологические, которые сами по себе иногда дают нашему лингвисту смелость восстановить историю звуков и проследить самые тонкие звуковые изменения вплоть до праязыка. Изучение письменных памятников, которым Шахматов придавал больше значения в первый период своей научной деятельности (до «Исследований в области русской фонетики» 1893 г.), всё более уступает место изучению живых говоров в трудах конца XIX и начала XX столетий, когда для восстановления звукового состава праязыков русского и общесловянского наш лингвист почти исключительно пользуется сравнительным изучением данных русской и инословянской диалектологии. Но сами письменные памятники под умелою рукою А. А-ча открывают нам нередко истинный смысл скрывающегося в них живого произношения отдаленных веков. Суметь воскресить живой язык древности, отделить в памятниках графические явления от звуковых мог только такой ученый, который, как А. А. Шахматов, выдвигая на первый план изучение живых говоров, обладал вместе с тем и громадной начитанностью в древних памятниках русских и южнословянских, знал зависимость первых от последних и т. д. «Методы изучения рукописей, как материала для построения исторической фонетики русского языка, в исследованиях акад. А. А. Шахматова» прекрасно охарактеризованы в статье В. В. Виноградова в XXV томе «Изв. отд. русск. яз. АН», стр. 172—196.

Но нельзя умолчать, что кроме исторической фонетики, данными которой Шахматов пользовался и в своих этнологических разысканиях, Шахматов интересовался и читал университетские курсы, а) по истории «современного русского литературного языка» (1911—1912 г.,

см. список печатн. и литографиров. трудов), б) русскому синтаксису (последний, по сообщению Е. С. Истриной, сохранился в рукописи в объеме около 40 печ. листов). В «Очерке современ. русск. литерат. языка», кроме общих сведений о ходе развития русского литературного языка и его отношении к языку древне-церковно-словянскому (старо-болгарскому) и живым русским говорам, кроме подробного описания звуков общерусского языка по московскому произношению, мы находим и подробный анализ форм склонения и спряжения русского языка с историческим освещением. Весьма интересны, напр., данные здесь сведения о формах именит. множ. ч. слов муж. рода на *á* рядом с *ы*, о различении в последних первоначальных форм винит. и именит. множ., а в некот. словах даже древнего имен. вин. двойств. основ на й; такую форму видел А. А., напр., в имен. мн. *садьі*, совершенно параллельно с формою им. вин. дв. основ. на ŏ, напр. *рогá*, *божá*, *берегá* и т. п. («Очерк соврем. русск. л. яз.», стр. 154). Весьма важны замечания Шахматова о видах русского глагола (стр. 228 — 235).

«Вопросы синтаксиса в освещении А. А. Шахматова», о занятиях которыми он писал мне в одном из последних писем своих ко мне в начале июня 1919 г., изложены в статье Бернштейна в том же XXV томе «Известий отд. русск. яз.», стр. 208 — 233. Вот что писал мне А. А. 11 июня/30 мая 1919: «Я усиленно работаю над синтаксисом. Читал в прошлом учебном году, буду читать и в следующем курс по синтаксису, но не исторический. Для исторического освещения набрал много материалов, но пока они лежат у меня в неразработанном виде».

К сожалению, последний год жизни А. А-ча был самым тяжелым в типографском отношении, и это отразилось в обоих его последних письмах ко мне 11 июня и 12 августа 1919 г. «Сильно забочусь о скорейшем выходе лекций Ф. Ф. по старослов. языку; они уже давно отпечатаны; дело стоит за брошировщиком. Типографское дело вообще в состоянии совершенного упадка. Напечатать новую книгу почти невозможно» (11 июня/30 мая 1919). «Рукописи накапливаются, но типография бездействует» (12 августа 1919). Но в том же письме сообщает: «Я с жаром ухватился за сделанное мне предложение написать учебники по русскому языку для университетского преподавания...

Включаю в учебник (размером до 30 листов) и синтаксис. Работа несколько скрашивает тяжелую жизнь и отвлекает от удручающих впечатлений и скорбных мыслей... Беспокоит судьба многих дорогих людей, родных и знакомых... Очень тяжело мне за Ягича; его положение, думаю, невыносимо»...

Этими выписками из писем дорогого нам всем человека, ярко характеризующими его благородное, преданное науке и человечеству, сердце, я заканчиваю свой очерк.

Б. Ляпунов.

Общественных наук
Академии Наук СССР